Б

СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Левъ Бухъ.

Б94

ЗЕМЛЯ—НАРОДУ.

(Къ вопросу о соціализаціи земли).

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издахіе В. М. Яковенко.
1905.

2. 125.

„Про» 45

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

I.

Франсуа Кенэ, по справедливости, слѣдуетъ считать родоначальникомъ современнаго намъ ученія о поземельной рентѣ. Онъ первый высказалъ мысль, лежащую и до сихъ поръ въ основаніи этого ученія, именно, что *доходы, получаемые землевладѣльцами, не являются результатомъ эксплуатаціи труда земледѣльческихъ рабочихъ*. Количество продукта земли,— поясняетъ онъ, — обыкновенно превышаетъ то количество, которое необходимо для покрытія издержекъ на трудъ, на культуру почвы и на другія затраты; излишекъ, полученный за вычетомъ этихъ издержекъ изъ добытаго съ ихъ помощью продукта, образуетъ собою чистый продуктъ (produit net), который, какъ *даръ природы*, и составляетъ доходъ поземельныхъ собственниковъ.

Адамъ Смитъ лишь нѣсколько видоизмѣнилъ и развилъ ученіе о рентѣ основателя школы физіократовъ. «Въ обработкѣ земли», — говоритъ онъ, — «*природа работаетъ* совмѣстно съ человѣкомъ, и хотя трудъ ея не требуетъ никакихъ расходовъ, тѣмъ не менѣе произведенія ея имѣютъ свою цѣнность, такъ-же точно, какъ произведенія самыхъ дорогихъ работниковъ... Ренту, получаемую землевладѣльцами, можно считать продуктомъ природы»... «Земля, *при всякомъ почти состояніи*, производитъ большее количество хлѣба, чѣмъ сколько нужно для содержанія всего труда, принимающаго участіе въ снабженіи хлѣбомъ рынка... Излишекъ въ производимомъ хлѣбѣ постоянно болѣе чѣмъ достаточенъ для выручки съ прибылью капитала, приложеннаго къ этому труду. Поэтому, за всѣми расходами, постоянно получается остатокъ для уплаты ренты поземельному собственнику».

При этомъ Ад. Смитъ добавляетъ, во-первыхъ, что высота поземельной ренты обусловливается какъ пло-

дородіемъ земли, такъ и относительнымъ разстояніемъ ея отъ рынка, и, во-вторыхъ, что рента составляетъ одинъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ цѣну продуктовъ земли.

Первое изъ этихъ положеній, какъ констатирующее факты, понятно само по себѣ и не требуетъ поясненій; въ защиту же второго Ад. Смитъ приводитъ слѣдующія соображенія: «Съ тѣхъ поръ, какъ почва какой-либо страны обращена въ частную собственность, землевладѣльцы, подобно всѣмъ людямъ, стали собирать плоды тамъ, гдѣ не сѣяли, и требовать поземельной ренты даже за естественныя произведенія земли. Явилась *прибавочная цѣна* на дрова, на траву, скошенную съ луга, и на всѣ естественныя произведенія земли, которыя, при общемъ владѣніи землею, ничего не стоили, кромѣ труда собрать ихъ, и которыя стали теперь дороги. Для работника явилась необходимость заплатить за позволеніе собрать ихъ; ему слѣдуетъ теперь уступить собственнику земли часть того, что онъ соберетъ или произведетъ своимъ трудомъ. Эта часть, или, что то-же, цѣна этой части, составляетъ поземельную ренту, которая входитъ, какъ третья составная часть, въ цѣну большей части товаровъ...» «Въ цѣнѣ хлѣба, напримѣръ, одна часть оплачиваетъ ренту земельнаго собственника, другая — заработную плату, а третья—составляетъ прибыль фермера» (т.-е. прибыль на капиталъ). «Эти три части непосредственно или окончательно составляютъ цѣну хлѣба. Повидимому, можно было-бы думать, что къ нимъ можно присоединить еще четвертую часть, необходимую для возвращенія капитала фермера и для вознагражденія за его рабочій скотъ и земледѣльческія орудія. Но если вникнуть хорошенько въ этотъ предметъ, то не трудно замѣтить, что цѣна каждаго орудія для земледѣлія, какъ напр. лошади, сама состоитъ изъ этихъ-же трехъ частей: изъ дохода съ земли, на которой она взрощена, изъ труда работника, который кормилъ и присматривалъ за нею, и изъ прибыли фермера, который оплатилъ доходъ съ земли и содержаніе работника. Поэтому, хотя хлѣбъ долженъ оплатить также и цѣну лошади, и ея содержаніе, тѣмъ не менѣе полная цѣна его всегда можетъ быть разложена, непосредственно или въ окончательномъ результатѣ, на однѣ и тѣ-же составныя части: ренту, трудъ и прибыль».

Давидъ Рикардо, хотя совершенно преобразовалъ ученіе о рентѣ, въ своей гипотезѣ, какъ мы увидимъ, не отступаетъ отъ основной мысли Ф. Кенэ, что доходъ землевладѣльцевъ является результатомъ эксплуатаціи даровыхъ силъ природы.

«Когда люди»,—говоритъ Д. Рикардо,—«въ первый разъ населяютъ страну, въ которой находится много богатой и плодородной земли, небольшого количества которой достаточно для прокормленія существующаго народонаселенія, или гдѣ обработка требуетъ не большаго капитала, чѣмъ тотъ, которымъ владѣетъ населеніе, то ренты не существуетъ, ибо никто не сталъ-бы платить за право пользованія землею, когда есть столько *земли, никому не принадлежащей* и, слѣдовательно, такой, которую можетъ обрабатывать каждый, кто хочетъ. По общему закону *спроса и предложенія*, ренту за такую землю никто не платитъ, точно такъ-же, какъ не платятъ ея за право пользованія воздухомъ, водою и всѣми тѣми благами, которыхъ количество неограниченно. Посредствомъ нѣкотораго количества матеріаловъ и съ помощью давленія и упругости пара, машины совершаютъ извѣстную работу и значительно облегчаютъ человѣческій трудъ; но, вѣдь, никто не платитъ за пользованіе этими неразрушимыми естественными дѣятелями, потому что количество ихъ неистощимо, и всякій можетъ пользоваться ими. Точно также пивоваръ, винокуръ, красильщикъ постоянно употребляютъ воздухъ и воду на производство своихъ продуктовъ; но такъ какъ источникъ этихъ дѣятелей неистощимъ, то они и не имѣютъ цѣны. Если-бы земля обладала повсюду одинаковыми свойствами, если-бы пространство ея было безгранично, а качество однородно, нельзя было-бы ничего требовать за пользованіе ею, за исключеніемъ развѣ такихъ мѣстностей, гдѣ она, по своему положенію, пользуется нѣкоторыми преимуществами. *Ренту начинаютъ платить единственно потому, что количество земли ограниченно, а качество ея разнообразно, и что съ увеличеніемъ населенія становится неизбѣжной обработка участковъ худшаго сорта или расположенныхъ менѣе удобно*».

Какъ ограниченное благо, земля становится собственностью частныхъ лицъ, которыя эксплуатируютъ это благо въ свою пользу. «*Рента есть та часть земледѣльческаго продукта, которая уплачивается зе-*

млевладѣльцу за пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы».

Адамъ Смитъ полагалъ, что каждый собственникъ земли, разъ она воздѣлывается, получаетъ ренту. Д. Рикардо не раздѣляетъ этого взгляда.

По его мнѣнію, изъ земель, поступившихъ въ данное время въ обработку, приносятъ ренту только тѣ, которыя, по своему плодородію и по своему положенію относительно рынковъ сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, обезпечиваютъ валовой доходъ, превышающій размѣръ, необходимый для покрытія всѣхъ произведенныхъ расходовъ на производство и доставку на рынокъ продуктовъ земли, а также для обезпеченія обыкновенной прибыли на затраченный капиталъ по веденію хозяйства. Земли, валовой доходъ которыхъ ниже такой нормы, не могутъ давать ренты. Въ виду существующаго *различія* между участками земли, въ физическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, рента является *необходимымъ спутникомъ* производства.

«Положимъ»,—говоритъ Д. Рикардо,—«что участки №№ 1, 2 и 3, *при одинаковой затратѣ капитала и труда*, даютъ *чистый* продуктъ въ 100, 90 и 80 квартеровъ хлѣба. Въ странѣ новой, гдѣ существуетъ, пропорціонально населенію, множество плодородныхъ участковъ и гдѣ, слѣдовательно, достаточно обработать участокъ № 1 для прокормленія народонаселенія, весь чистый доходъ поступитъ въ распоряженіе земледѣльца и составитъ *прибыль* на затраченный имъ капиталъ. Какъ только населеніе возрастетъ до такой степени, что сдѣлается необходимымъ приступить къ обработкѣ № 2, приносящаго, за вычетомъ содержанія рабочихъ, 90 квартеровъ хлѣба, то *для № 1 возникнетъ рента*; это произойдетъ на основаніи той альтернативы, что или должно существовать два уровня прибыли на земледѣльческій капиталъ (что невозможно), или же изъ продукта № 1 должны быть вычтены 10 квартеровъ, или ихъ эквивалентъ, для какого нибудь другого употребленія. Землевладѣлецъ-ли или другое лицо занимается обработкой № 1, эти 10 квартеровъ одинаково составятъ ренту, такъ какъ лицо, ведущее обработку № 2, получило бы съ своего капитала одну и ту же выручку, какъ въ томъ случаѣ, когда оно берется за воздѣлываніе № 1, съ уплатой 10 квартеровъ хлѣба, въ видѣ ренты, такъ и въ томъ случаѣ, когда оно

продолжало бы обработку № 2, не платя ренты. Подобнымъ же образомъ можетъ быть показано, что когда поступитъ въ обработку № 3, то рента № 2 должна равняться 10 квартерамъ, или цѣнности 10 квартеровъ, тогда рента № 1 возрастетъ до 20 квартеровъ, ибо лицо, воздѣлывающее № 3, получило бы одинаковую прибыль, все равно приходится ли ему платить 20 квартеровъ ренты съ № 1, 10 кварт. съ № 2, или же воздѣлывать № 3, не платя ренты».

Не согласенъ Рикардо съ Ад. Смитомъ и относительно того, что рента является однимъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ цѣну земледѣльческихъ продуктовъ.

«Наиболѣе плодородныя и всѣхъ лучше расположенныя земли обрабатываются прежде другихъ, и мѣновая цѣнность ихъ продукта, подобно цѣнности другихъ товаровъ, опредѣляется по количеству труда, необходимаго въ различныхъ формахъ, какъ на ихъ производство, такъ и на провозъ къ мѣсту сбыта. Когда же поступаетъ въ обработку земля низшаго качества, мѣновая цѣнность сырого продукта возвышается, потому что требуется больше труда на производство его».

«Наименьшее количество труда, достаточное на производство товара, будь то произведеніе мануфактуры, земли или рудника, при обстоятельствахъ наиболѣе благопріятныхъ, которыми пользуются тѣ, въ чьемъ распоряженіи находятся особенно легкіе способы производства, никогда не опредѣляетъ мѣновой цѣнности. Она опредѣляется, напротивъ, наибольшимъ количествомъ труда, какое вынуждены употреблять тѣ, въ чьемъ распоряженіи не имѣется подобныхъ легкихъ способовъ, тѣ кто для производства товара долженъ бороться съ самыми неблагопріятными обстоятельствами. Подъ наиболѣе неблагопріятными обстоятельствами мы подразумѣваемъ самыя неблагопріятныя изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ добывается необходимое количество продукта».

«Въ самомъ дѣлѣ, лучшіе участки земли продолжали бы давать прежній продуктъ на прежній трудъ, но цѣнность этого продукта возрастала бы вслѣдствіе того, что съ менѣе плодородныхъ участковъ на тотъ же трудъ и капиталъ получалось бы менѣе продукта». «Такимъ образомъ, причина возвышенія цѣнности есте-

ственныхъ произведеній лежитъ въ необходимости приложить къ землѣ, позже другихъ поступившей въ обработку, излишнее количество труда, а не въ томъ, что землевладѣльцу платится рента. Цѣнность хлѣба опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на его производство на худшихъ участкахъ, за пользованіе которыми не платятъ ренты. Хлѣбъ становится дороже не вслѣдствіе того, что платится рента; напротивъ, рента платится вслѣдствіе того, что хлѣбъ дорожаетъ, и даже было правильно замѣчено, что цѣнность пшеницы не понизилась бы и въ томъ случаѣ, если бы землевладѣльцы отказались отъ ренты. Слѣдствіемъ подобной мѣры было бы только то, что нѣкоторые фермеры стали бы жить господами, но нисколько не уменьшилось бы количество труда, необходимое для производства продуктовъ на участкахъ всего менѣе плодородныхъ». «Если бы высокая цѣна хлѣба была слѣдствіемъ, а не причиною ренты, то цѣна колебалась бы, смотря по повышенію или пониженію ренты, и рента была бы составною частью цѣны. Но такъ какъ регуляторъ цѣны хлѣба есть тотъ хлѣбъ, который производится наибольшимъ количествомъ труда, то и рента въ послѣднемъ счетѣ не представляетъ и не можетъ представлять составной части цѣны хлѣба. Итакъ, Ад. Смитъ не правъ, когда онъ предполагаетъ, что первоначальное правило, опредѣлявшее цѣнность товаровъ, т.-е. сравнительное количество труда, необходимаго для ихъ производства, можетъ быть совершенно измѣнено обращеніемъ земель въ собственность и платежемъ ренты. Въ составъ почти всѣхъ товаровъ входитъ нѣкоторая часть земледѣльческихъ продуктовъ, но цѣнность этого сырья, точно такъ же какъ и хлѣба, опредѣляется производительностью послѣдней части капитала, затраченнаго на обработку земли, которая не приноситъ ренты; слѣдовательно, рента никакъ не можетъ входить составною частью въ цѣну произведеній».

Далѣе, Д. Рикардо обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что возрастающая трудность производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ, при переходѣ къ обработкѣ худшихъ участковъ земли, приноситъ собственникамъ лучшихъ участковъ двойную выгоду: во-первыхъ, увеличиваетъ ихъ ренту въ продуктахъ и, во-вторыхъ, повышаетъ цѣнность этихъ продуктовъ,

Наконецъ, не уклоняется авторъ и отъ рокового и неизбѣжнаго вопроса: кто выплачиваетъ ренту землевладѣльцамъ?

De jure ренту вноситъ въ кассу землевладѣльца фермеръ, но de facto онъ уплачиваетъ ее не изъ своихъ средствъ. Какъ представитель капитала, онъ платитъ ренту лишь въ томъ случаѣ, когда арендованный участокъ, по своему качеству и положенію, даетъ возможность не только выручить затраченный капиталъ на его обработку и обычную на него прибыль, но и уплату условленной ренты, которая является такимъ образомъ предусмотрѣннымъ избыткомъ выручки отъ продажи на рынкѣ произведеній земли. Землевладѣлецъ, если будетъ обрабатывать землю лично, можетъ получить эту сумму непосредственно самъ, въ видѣ ренты, какъ сумму, превышающую обыкновенную прибыль на капиталъ. Отсюда ясно, что рента уплачивается не изъ средствъ фермера; онъ служитъ только передаточной инстанціей по уплатѣ ренты. Онъ посредникъ, а не плательщикъ.

Не можетъ быть также рѣчи и объ уплатѣ ренты изъ средствъ земледѣльческихъ рабочихъ. «Трудъ»,—говоритъ г. Рикардо,—«какъ и всѣ другія вещи, которыя продаются и покупаются, и количество которыхъ можетъ быть увеличиваемо и уменьшаемо, имѣетъ цѣну естественную и рыночную». «Естественная цѣна труда есть та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія». «Рыночная цѣна труда есть та, которая дѣйствительно платится рабочему, подъ естественнымъ вліяніемъ отношенія спроса къ предложенію; трудъ дорогъ, когда его мало, и дешевъ, когда онъ предлагается въ изобиліи. Какъ бы ни было велико уклоненіе рыночной цѣны труда отъ естественной цѣны его, но подобно цѣнѣ продуктовъ, она имѣетъ стремленіе сообразоваться съ этой послѣдней. Такимъ образомъ, сельскій рабочій, какъ и фабричный, въ обыкновенное время, когда спросъ и предложеніе на рабочія руки уравновѣшены, получаетъ сполна свою «естественную» плату за трудъ, ничего не удѣляя изъ нея въ пользу землевладѣльца, для накопленія ренты. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда заработная плата отклоняется отъ естественной нормы въ ту или другую сто-

рону, эти измѣненія въ ея размѣрахъ, не имѣя также никакой связи съ рентой, вліяютъ только на прибыль: она будетъ повышаться при уменьшеніи заработной платы и уменьшаться при повышеніи послѣдней».

Рента, по мнѣнію Д. Рикардо, не нарушая интересовъ капиталистовъ и рабочихъ, всегда уплачивается «потребителемъ».

Карлъ Марксъ, приступая къ изложенію своей гипотезы о земельной рентѣ, исходитъ изъ предположенія, что «въ земледѣліи, какъ и въ обрабатывающей промышленности, господствуетъ капиталистическій способъ производства, т.-е. что сельское хозяйство ведется капиталистами, которые отъ прочихъ капиталистовъ отличаются, прежде всего, только тѣмъ элементомъ, въ которомъ затрачивается ихъ капиталъ и приводимый въ движеніе этимъ капиталомъ наемный трудъ». Рента, въ виду этого, опредѣляется авторомъ, какъ доля землевладѣльца въ прибавочной стоимости, производимой *капиталомъ*. Капиталистъ-фермеръ выплачиваетъ эту долю землевладѣльцу за позволеніе употребить свой капиталъ въ земледѣльческой области производства.

Мы не будемъ вдаваться въ подробное изложеніе гипотезы К. Маркса, такъ какъ она ничего новаго и существеннаго не вноситъ въ разъясненіе вопроса о рентѣ, хотя авторъ и пытается положить въ ея фундаментъ совершенно правильную мысль, что она является результатомъ эксплуатаціи труда рабочихъ.

К. Марксъ замѣчаетъ, что при изслѣдованіи земельной ренты, не надо смѣшивать различныхъ ея формъ, соотвѣтствующихъ различнымъ степенямъ развитія общественнаго производства. «Какъ бы ни была своеобразна форма ренты, всѣ ея типы обладаютъ тѣмъ общимъ свойствомъ, что присвоеніе ренты есть экономическая форма, въ которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, съ своей стороны, предполагаетъ земельную собственность, собственность опредѣленнаго лица на опредѣленный участокъ земли, все равно будетъ ли этимъ собственникомъ община, какъ въ Азіи и въ Египтѣ, или отдѣльныя лица, въ рукахъ которыхъ земельная собственность является дополненіемъ къ праву собственности на личность непосредственныхъ производителей, какъ это было при рабствѣ и при крѣпостномъ правѣ, или соб-

ственниками становятся лица, не принадлежащія къ классу производителей, которыя осуществляютъ свое право только на землю, на природу, въ формѣ чистой частной собственности, или же, наконецъ, собственниками будутъ крестьяне-земледѣльцы и колонисты, владѣющіе мелкими участками, при разобщенномъ и общественно неразвившемся трудѣ, когда отношеніе къ землѣ непосредственно заключается въ присвоеніи и производствѣ продуктовъ опредѣленной полосы земли непосредственными производителями». «Такая общность различныхъ формъ ренты даетъ возможность подвести ихъ подъ одну форму и привести къ грубымъ ошибкамъ. Затѣмъ надо имѣть въ виду, что всякая земельная рента есть прибавочная стоимость, продуктъ прибавочнаго труда. Рента въ натуральной формѣ, когда она вносится продуктами земли, является еще непосредственнымъ присвоеніемъ землевладѣльцемъ прибавочнаго продукта труда производителя. При капиталистическомъ способѣ производства рента образуется совершенно иначе. При этой формѣ производства трудъ непосредственнаго производителя, земледѣльческаго рабочаго, эксплуатируется арендаторомъ, при чемъ прибавочный трудъ рабочаго сполна идетъ въ пользу арендатора, образуя прибыль на затраченный капиталъ, совершенно также, какъ прибавочный трудъ въ фабрично-заводскомъ производствѣ. Но, тѣмъ не менѣе, и тутъ рента образуется изъ прибавочной стоимости. Объясненіе этой загадки надо искать въ распредѣленіи прибавочной стоимости, образующейся изъ прибавочнаго труда всѣхъ отраслей народнаго производства, въ общей ихъ совокупности. Далѣе, представляется весьма важнымъ тотъ фактъ, что земельная рента повышается отъ поступательнаго хода развитія общественнаго труда, въ независимости отъ какого-либо соучастія въ этомъ землевладѣльцевъ. Дѣло въ томъ, что съ нарожденіемъ капиталистическаго способа производства наростаетъ неземледѣльческое населеніе, расширяется спросъ на земледѣльческіе продукты, въ формѣ продовольственныхъ средствъ и сырыхъ матеріаловъ для обрабатывающей промышленности; это и содѣйствуетъ повышенію ренты и цѣнъ на землю. Денежная рента развивается по мѣрѣ того, какъ земледѣльческое производство становится товарнымъ. По мѣрѣ же развитія товарнаго производства,

въ земледѣльческой и обрабатывающей промышленности развивается производство прибавочной стоимости и прибавочнаго продукта, и, рядомъ съ этимъ, развивается способность землевладѣльцевъ захватывать возрастающую часть такой прибавочной стоимости и такимъ образомъ увеличивать величину ренты и цѣну на землю. Капиталистъ является еще самостоятельнымъ дѣятелемъ въ развитіи прибавочной стоимости; землевладѣлецъ же просто захватываетъ возрастающую безъ его содѣйствія долю прибавочной стоимости. Особенность его заключается именно въ этомъ захватѣ».

По мнѣнію К. Маркса, продукты земледѣлія и горнаго дѣла продаются по цѣнамъ ихъ производства (стоимость постояннаго и перемѣннаго капитала+средняя прибыль, опредѣляемая общею нормою прибыли на весь капиталъ, затраченный на производство всей этой товарной стоимости); но—спрашиваетъ онъ—какимъ образомъ, при такомъ предположеніи, образовывается земельная рента, т.-е. какимъ образомъ часть прибыли превращается въ земельную ренту?

Предположимъ, продолжаетъ онъ, что фабрики данной промышленности работаютъ преимущественно паромъ, продавая свой товаръ по цѣнамъ производства, и получаютъ прибыль въ размѣрѣ 15% на 100. Допустимъ далѣе, что нѣкоторые фабриканты той-же отрасли производства работаютъ водяной силой, вслѣдствіе чего издержки ихъ производства менѣе на 10%, т.-е., при издержкахъ на паровыхъ фабрикахъ въ 100, они затрачиваютъ всего 90. Въ такомъ случаѣ, цѣна производства этихъ товаровъ, регулирующая рыночную цѣну его=115, при чемъ прибыль=15% на паровыхъ фабрикахъ, и поэтому фабриканты, пользующіеся водяной силой, будутъ продавать свой товаръ также по 115, а прибыль ихъ будетъ уже не 15%, а 27%; эта дополнительная прибыль въ 12% и образуетъ въ данномъ случаѣ ренту, выплачиваемую землевладѣльцу, въ предѣлахъ собственности котораго находится водяная сила, водопадъ.

Какъ фабрикантъ, пользующійся водопадомъ, такъ и капиталисты въ земледѣльческой промышленности, если эксплуатируемыя ими земли, по своему плодородію и положенію, находятся въ особо благопріятныхъ условіяхъ, по сравненію съ другими участками земли,

должны получать, по тѣмъ-же соображеніямъ, дополнительную прибыль. Цѣна продуктовъ земли, какъ и фабрикатовъ, опредѣляется, какъ сказано выше, по цѣнамъ ихъ производства, и поэтому она зависитъ отъ стоимости ихъ производства на тѣхъ земляхъ, на которыхъ затрата капитала обезпечиваетъ среднюю прибыль. И поэтому произведенія земель, находящихся въ лучшихъ условіяхъ по отношенію производства и сбыта продуктовъ, продаваясь по цѣнѣ производства, всегда продаются выше ихъ дѣйствительной стоимости; это и обезпечиваетъ полученіе, при обработкѣ такихъ земель, дополнительной прибыли, которая и образуетъ фондъ для уплаты ренты.

При такомъ взглядѣ на ренту, К. Марксъ долженъ былъ признать, что «Д. Рикардо совершенно правъ, говоря о дифференціальной рентѣ, что она всегда является результатомъ разницы между продуктомъ, полученнымъ при употребленіи двухъ одинаковыхъ количествъ капитала и труда», если добавить къ этому: «на участкахъ земли одинаковой величины».

Точно также послѣдній правъ, утверждая, что «все, что уменьшаетъ неравенство продукта, полученнаго на той-же землѣ и на новой, стремится понизить ренту; а все то, что увеличиваетъ эту разницу, неизбѣжно приводитъ къ противоположному результату, т.-е. стремится повысить ренту».

Представимъ себѣ,—говоритъ К. Марксъ,—четыре сорта почвы: А, В, С и Д, и положимъ, что цѣна квартера пшеницы=3 ф. стерл., или 60 шилл. Такъ какъ рента, о которой идетъ рѣчь, представляетъ дифференціальную ренту, то такая цѣна въ 60 шилл. за квартеръ на худшей почвѣ равна стоимости производства, т.-е. равна издержанному капиталу+средняя прибыль.

Пусть А будетъ худшая земля и пусть, при затратѣ въ 50 шилл., 1 кв. будетъ=60 шилл., слѣдовательно прибыли получится 10 шилл. или 20%.

Пусть В, при тѣхъ же затратахъ, дастъ 2 кварт. пшеницы=120 шилл. Это составило бы прибыль въ 70 шилл., или дополнительную прибыль въ 60 шилл.

Пусть С, при такихъ же затратахъ, дастъ 3 кварт. пшеницы=180 шилл. Прибыль валовая=130 шилл.; дополнительная прибыль=120 шилл.

Пусть D, при такихъ же затратахъ, дастъ 4 кварт.=

=240 шилл Прибыль валовая=190; дополнительная=180 шилл.

Сортъ земли.	Продуктъ. Кварт.	Шилл	Затрата капитала.	Прибыль. Кварт.	Шилл.	Рента. Кварт.	Шилл.
А.	1	60	50	1/6	10	—	—
Б.	2	120	50	1 1/6	70	1	60
С	3	180	50	2 1/6	130	2	120
D.	4	240	50	3 1/6	190	3	180
	10	600				6	360

К. Марксъ утверждаетъ, что рыночная стоимость продуктовъ земли всегда выше валовой цѣны производства всей массы этихъ продуктовъ, и, обращаясь къ приведенной таблицѣ, говоритъ, что всѣ упомянутые 10 кварт. пшеницы продадутся за 600 шилл., такъ какъ рыночная цѣна опредѣлится цѣною производства на участкахъ А=60 шилл. за 1 кв.; въ дѣйствительности же цѣна производства этихъ 10 кварт.==240 шилл. или, въ среднемъ, 1 кварт.=24 шилл., какъ ясно изъ слѣдующей таблицы:

А.	1 кв = 60 ш.	или	1 кв = 60 ш.
В.	2 „ = 60 „	—	1 „ = 30 „
С.	3 „ = 60 „	—	1 „ = 20 „
D.	4 „ = 60 „	—	1 „ = 15 „
Всего . . .	10 кв. = 240 ш.; въ средн. за одинъ кв. = 24 ш.		

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ пшеница будетъ продана по рыночной цѣнѣ за 600 шилл. тогда какъ дѣйствительная цѣна производства=240 ш. т.-е. дороже на 250%.

По мнѣнію К. Маркса, такая аномалія объясняется преобладаніемъ, при капиталистическомъ производствѣ, рыночныхъ цѣнъ, устанавливаемыхъ конкуренціей: конкуренція создаетъ ложную общественную стоимость.

Опредѣленіе рыночныхъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты—это актъ общественный, хотя и совершается обществомъ безсознательно и непреднамѣренно; въ основѣ его, по необходимости, находится мѣновая стоимость продукта, а не земля и разница въ ея плодородіи. Если представить, что капиталистическая общественная форма устранена и что общество организовано сознательно и по опредѣленному плану, то 10 кв. пшеницы, въ приведенномъ примѣрѣ, представили бы количество самостоятельнаго труда,

равное тому, которое содержится въ 240 шилл. Тогда обществу не пришлось бы пріобрѣтать земледѣльческій продуктъ, отдавая за него рабочее время въ два съ половиною раза большее, чѣмъ сколько содержится въ немъ самомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ устранилось бы основаніе для существованія землевладѣльцевъ, какъ отдѣльнаго класса. Такая организація оказала бы точно такое же вліяніе, какъ удешевленіе продукта, вслѣдствіе привоза его изъ-за границы. Поэтому, насколько справедливо говорить, что, при сохраненіи капиталистическаго производства, передача дифференціальной ренты государству не измѣнитъ нынѣшнихъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, при прочихъ неизмѣняющихся условіяхъ, настолько же ошибочно утверждать, что стоимость продукта останется прежнею при замѣнѣ капиталистическаго производства ассоціаціей. Тождество рыночныхъ цѣнъ на однородные товары—вотъ тотъ способъ, которымъ осуществляется общественный характеръ стоимости при капиталистическомъ производствѣ и вообще при производствѣ, основывающемся на обмѣнѣ товаровъ между отдѣльными лицами. Что же касается того, что общество, какъ потребитель, платитъ слишкомъ дорого за земледѣльческіе продукты, то недочетъ, получающійся при реализаціи его рабочаго времени въ земледѣльческихъ продуктахъ, составляетъ въ настоящее время избытокъ для нѣкоторой части общества, для землевладѣльцевъ, которымъ они пользуются въ формѣ ренты.

II.

Ученіе о рентѣ это—подводный камень, о который разбиваются обыкновенно политико-экономическія теоріи, доказывая несостоятельность ихъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Кто привыкъ твердо держаться, въ своихъ логическихъ разсужденіяхъ, общепризнанныхъ и непререкаемыхъ основныхъ экономическихъ истинъ, въ родѣ тѣхъ, напр., что только трудъ человѣка создаетъ предметы, обладающіе извѣстной экономической стоимостью, и что рыночная цѣна ихъ опредѣляется соотвѣтственно количеству труда, затраченнаго на ихъ

производство [1]), для того, конечно, когда онъ приступаетъ къ изученію теоріи ренты, не можетъ не показаться страннымъ, что экономисты, переходя къ объясненію экономическихъ явленій въ области сельскохозяйственной промышленности, считаютъ невозможнымъ руководствоваться тѣми истинами, которыя они сами провозглашаютъ въ первыхъ главахъ своихъ ученыхъ трудовъ, касающихся общихъ положеній и примѣненія ихъ къ разъясненію процесса фабрично-заводскаго производства. Вмѣсто этого, при объясненіи ренты, намъ приходится выслушивать какія-то фантастическія сказки «о даровыхъ силахъ природы, создающихъ экономическія цѣнности», о «природѣ, работающей и создающей землевладѣльческую ренту», о «продажѣ земледѣльческихъ продуктовъ на рынкѣ выше ихъ дѣйствительной стоимости, примѣрно на 250%» и о другихъ, не менѣе курьезныхъ, диковинкахъ. Намъ кажется, напр., если экономистъ утверждаетъ, что цѣны товаровъ вообще, принимая въ расчетъ ихъ среднюю норму, опредѣляются ихъ стоимостью, то онъ обязанъ доказать, что этотъ законъ примѣнимъ не только къ товарамъ фабрично-заводскаго, но также и къ товарамъ земледѣльческаго производства. Говоря это, мы вовсе не забываемъ, что нѣтъ правила безъ исключенія, и поэтому допускаемъ, что могутъ быть при этомъ нѣкоторые товары, цѣна которыхъ, въ видѣ исключенія, не подчиняется общимъ правиламъ, какъ, напр., предметы рѣдкости: драгоцѣнные камни, картины знаменитыхъ художниковъ и пр., и пр. Но мы полагаемъ, что было бы очень наивно ссылаться на возможность примѣненія подобнаго «исключенія» къ разряду товаровъ, которые, по своему количеству на рынкахъ, подавляютъ всѣ остальные товары, т.-е. къ продуктамъ земледѣльческой промышленности; это было бы похоже на утвержденіе, что исключенія составляютъ правила, а правила—исключенія. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что каждый фабрикатъ представляетъ собою, въ большинствѣ случаевъ, не что иное, какъ продуктъ земледѣльческой промышленности въ обработанномъ видѣ, и

[1]) Въ данномъ случаѣ мы не будемъ касаться нѣкоторыхъ недостатковъ существующихъ гипотезъ о цѣнности и цѣнѣ товаровъ.

поэтому, принявъ въ теоріи, что земледѣльческіе товары продаются на рынкѣ выше ихъ дѣйствительной стоимости, примѣрно на 250%, мы тѣмъ самымъ косвенно признаемъ, что и товары фабричнаго производства продаются также по цѣнамъ, превышающимъ ихъ дѣйствительную стоимость, посколько въ образованіе ихъ стоимости входитъ трудъ, затраченный на производство сырыхъ продуктовъ. Для иллюстраціи, вспомнимъ извѣстный примѣръ К. Маркса о производствѣ пряжи № 32 изъ американскаго хлопка. Въ теченіе недѣли приготовлено было изъ 10 600 фун. хлопка 10.000 ф. пряжи, которая была продана за 510 фун. стерл.; въ эту цѣну пряжи включена стоимость хлопка, купленнаго фабрикантомъ за 342 ф. стерл. Предположимъ теперь, что хлопокъ, какъ продуктъ земледѣльческой промышленности, проданъ фабриканту за цѣну, превышающую дѣйствительную стоимость его производства примѣрно на 200%, т.-е. за него уплачено лишнихъ 228 ф. ст.,—342 ф. ст. вмѣсто 114; въ такомъ случаѣ окажется, что дѣйствительная стоимость пряжи=282 ф. ст. (510—228); продана же она за 510 ф. ст., т -е дороже на 80%.

Но если земледѣльческіе продукты, въ виду существованія ренты, а фабричные продукты, вслѣдствіе того, что они суть ничто иное, какъ обработанные продукты земледѣльческой промышленности,— продаются на рынкахъ выше ихъ дѣйствительной стоимости, то, спрашивается, какой-же raison d'être сохраняетъ гипотеза, утверждающая, что товары продаются по цѣнамъ, соотвѣтствующимъ стоимости ихъ производства? Можно-ли подобную гипотезу, хотя-бы изъ любезности, назвать научной!

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, приступимъ къ детальному разсмотрѣнію гипотезъ, предлагаемыхъ для объясненія ренты.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что основатель школы физіократовъ, Ф. Кенэ, жившій среди феодальныхъ порядковъ, внушавшихъ синьорамъ мысль, что ихъ кормила земля—ихъ помѣстья, а не крестьянинъ, воздѣлывавшій поля,—могъ серьезно доказывать, въ виду этого, что количество продуктовъ земли обыкновенно превышало то количество, которое тратилось для покрытія издержекъ на трудъ, на культуру почвы и на другія затраты,—что излишекъ, полученный за

вычетомъ этихъ издержекъ, образуетъ собою чистый продуктъ, который, какъ даръ природы, и составляетъ доходъ землевладѣльцевъ. Тутъ мы видимъ, съ одной стороны, точное описаніе факта и, съ другой, превращеніе въ научную истину господствовавшаго предразсудка, выработаннаго вѣковымъ феодальнымъ строемъ.

Во времена Кенэ, около $^1/_{10}$ части населенія было на положеніи рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ (serfs mainmortables); крестьяне же владѣли небольшимъ количествомъ собственной земли, не болѣе $^1/_4$ части общей площади; она была раздроблена на чрезвычайно мелкіе участки; ихъ одолѣвали, при этомъ, барщина и налоги· вся остальная земля, свободная отъ обложенія, находилась въ рукахъ дворянства и духовенства—«point de terre sans seigneurs!»

Франсуа Кенэ наивно полагалъ, что естественный соціальный порядокъ входилъ въ общій планъ созданія вселенной, въ которомъ все было предусмотрѣно и устроено высшей мудростью, и что, согласно этому порядку, земля есть единственный источникъ богатствъ и должна быть раздѣлена между крупными собственниками, такъ какъ въ крупныхъ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, сравнительно съ мелкими, издержки на содержаніе, ремонтъ и другіе расходы менѣе значительны, а чистый продуктъ несравненно больше; этотъ чистый продуктъ отъ земельныхъ имуществъ долженъ распредѣляться между тремя естественными собственниками земли: государствомъ (налогъ), владѣльцами земель (синьорами) и лицами, имѣющими право на десятину (духовенствомъ). Такимъ образомъ, Ф. Кенэ. не касаясь подобныхъ «мелочей», какъ рабство и барщина, находилъ, что существовавшее въ то время распредѣленіе земель между крупными собственниками вполнѣ соотвѣтствовало естественному порядку, входившему въ планъ созданія вселенной. съ небольшими лишь погрѣшностями; дабы не противорѣчить божественнымъ предначертаніямъ, слѣдовало, по его мнѣнію, уничтожить возникавшую мелкую крестьянскую собственность.

Конечно, гипотезы Ф. Кенэ, имѣвшія въ свое время нѣкоторое значеніе, теперь потеряли всякій смыслъ, какъ осколокъ феодальнаго міросозерцанія. Но, къ сожалѣнію, въ современномъ ученіи о рентѣ

мысль Ф. Кенэ, относительно «produit net», еще и до сихъ поръ играетъ важную роль, гуляя, впрочемъ, по свѣту въ новыхъ костюмахъ; но узнать ее, однако, вовсе не трудно.

Ад. Смитъ провозгласилъ трудъ единственнымъ источникомъ богатства и, слѣдовательно, нашелъ совершенно противоположную Ф. Кенэ исходную точку для разсмотрѣнія экономическихъ вопросовъ; но въ томъ пунктѣ, который касается поземельной ренты, онъ призналъ, хотя съ оговорками, гипотезу о созданіи цѣнностей даровыми силами природы.

Такое отступленіе отъ основного принципа прикрыто нѣкоторыми, повидимому, благовидными соображеніями.

Не будь частной собственности на землю, все-бы, по мнѣнію Ад. Смита, обстояло благополучно; тогда не было бы ренты, и богатство опредѣлялось бы и въ области земледѣльческой промышленности единственно трудомъ.

Но, съ установленіемъ собственности, землевладѣльцы начали собирать плоды тамъ, гдѣ не сѣяли; продукты земли, которые прежде ничего не стоили, кромѣ труда, начали продаваться по дорогой цѣнѣ, выше ихъ стоимости; явилась прибавочная цѣна на дрова, на сѣно, на хлѣбъ, на всѣ продукты земледѣльческой промышленности; эта прибавочная цѣна и идетъ въ пользу землевладѣльцевъ, въ формѣ ренты.

Однако, какъ ни соблазнительно было объясненіе ренты исключительно фактомъ установленія частной собственности, Ад. Смитъ понималъ, что для лицъ, сдѣлавшихся собственниками земли, недостаточно было одного «хотѣнія» для введенія высокихъ цѣнъ на земледѣльческіе продукты выше ихъ стоимости, для образованія ренты. На рынкѣ нельзя продавать товары по цѣнамъ, основаннымъ на желаніи ихъ собственниковъ; рынокъ обыкновенно противопоставляетъ такимъ, ни на чемъ не основаннымъ, цѣнамъ, конкуренцію. Понимая это, Ад. Смитъ и вынужденъ былъ прибѣгнуть къ гипотезѣ физіократовъ, утверждая, что въ сельскомъ хозяйствѣ природа работаетъ совмѣстно съ человѣкомъ и что хотя трудъ ея не требуетъ никакихъ расходовъ, тѣмъ не менѣе произведенія ея имѣютъ такую-же цѣнность, какъ и произведенія самыхъ дорогихъ работниковъ, и что ренту, получае-

мую землевладѣльцами, можно считать, поэтому, продуктомъ природы.

Итакъ, природа работаетъ, производитъ цѣнности, великодушно даритъ ихъ собственникамъ, они везутъ эти продукты на рынокъ, тамъ покупаютъ ихъ охотно, какъ произведенія самыхъ дорогихъ работниковъ— картина, достойная кисти художника!

Въ доказательство того, что воспроизведенная въ такихъ яркихъ краскахъ гипотеза физіократовъ основательна, что рента, дѣйствительно, образуется отъ продажи собственниками даровыхъ продуктовъ природы, Ад. Смитъ повторяетъ извѣстный аргументъ Ф. Кенэ, что земля, при всякомъ почти состояніи, производитъ большее количество хлѣба, чѣмъ сколько нужно, какъ для содержанія всего труда, принимающаго участіе въ снабженіи хлѣбомъ рынка, такъ и для выручки съ прибылью капитала, приложеннаго къ обработкѣ земли. Откуда же этотъ излишекъ? Въ другихъ производствахъ, гдѣ участвуетъ только трудъ и капиталъ, такого излишка не бываетъ. Очевидно, онъ является не продуктомъ труда, а создается естественными силами природы.

Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческая промышленность характерно отличается отъ фабрично-заводской, въ томъ отношеніи, что въ первой изъ нихъ, изъ суммы, вырученной отъ продажи продуктовъ, остается,— послѣ покрытія всѣхъ расходовъ, уплаты *заработной платы* и отчисленія средней *прибыли на капиталъ*,— еще свободный остатокъ, составляющій особый доходъ землевладѣльцевъ, называемый *рентой*, и что этотъ доходъ собственникъ земли можетъ получать безъ всякаго его участія въ хозяйствѣ, просто отдавая свое имѣніе въ аренду. Такой привилегированный доходъ, отсутствующій въ фабрично-заводской промышленности, требуетъ, конечно, научнаго объясненія, но самъ по себѣ онъ вовсе не доказываетъ, какъ думали Ф. Кенэ и А. Смитъ, что природа сама участвуетъ въ производствѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и такимъ образомъ создаетъ особый видъ землевладѣльческаго дохода, въ формѣ ренты.

III.

Въ основу гипотезы Д. Рикардо положена власть слѣпой, грубой силы природы, лишающей человѣка воз-

можности жить такъ, какъ онъ хочетъ, по плану, выработанному его собственной волей и мышленіемъ. И, берегитесь, если его аргументы, то скучивающіеся въ одномъ мѣстѣ книги, то прыгающіе съ одной страницы на другую, какъ блестящіе мертвые камни въ вращающемся калейдоскопѣ, загипнотизируютъ вашу мысль; тогда вамъ придется вырвать ваше сердце изъ груди и бросить его къ подножію величественной статуи Д. Рикардо, какъ ненужный хламъ!

За право пользованія воздухомъ, водою и всѣми тѣми благами, количество которыхъ неограниченно, никто ничего не платитъ. Пивоваръ, винокуръ, красильщикъ постоянно употребляютъ воздухъ и воду на производство своихъ продуктовъ, но такъ какъ источникъ этихъ силъ природы неистощимъ, то они и не имѣютъ цѣны. Если бы земля обладала повсюду одинаковыми свойствами, если бы пространство ея было безгранично, а качество однородно, нельзя было-бы ничего требовать за пользованіе ею, за исключеніемъ развѣ такихъ мѣстностей, гдѣ она, по своему положенію, пользуется нѣкоторыми преимуществами. Ренту платятъ единственно потому, что *количество земли ограниченно*, а *качество ея разнообразно*, и что съ *увеличеніемъ населенія* становится неизбѣжной *обработка худшаго сорта участковъ* или расположенныхъ менѣе удобно. Какъ ограниченное благо, земля становится *собственностью* частныхъ лицъ, которыя и эксплуатируютъ ее въ свою пользу.

Таковы, по мнѣнію Рикардо, основныя причины возникновенія ренты и частной поземельной собственности; при этомъ, онъ прибавляетъ, что рента является, въ виду различія, существующаго между участками земли, необходимымъ *условіемъ производства*.

Тутъ всюду неумолимый законъ природы и вытекающія изъ него экономическія отношенія; въ рамкахъ этого закона, рента невольно представляется воображенію такимъ-же роковымъ «спутникомъ» жизни, какъ луна, совершающая свое неизмѣнное движеніе вокругъ земного шара.

Гипотеза Д. Рикардо, имѣвшая огромное значеніе для защиты англійскихъ лордовъ, захватившихъ въ свою собственность почти всѣ земли въ государствѣ, не только не примирила никого съ этимъ фактомъ, но, сверхъ ожиданія, послужила какъ-бы сигналомъ

для ожесточеннаго похода противъ крупныхъ собственниковъ. Гипотезу, въ ея главныхъ чертахъ, признали геніальной, проливающей яркій свѣтъ на существующія экономическія отношенія, но никто не могъ согласиться съ тѣмъ, что человѣчество обречено навѣки платить дань землевладѣльцамъ; ихъ прозвали дармоѣдами и требовали уничтоженія частной земельной собственности, усматривая въ ней главное зло. Націонализація земли, т.-е. переходъ земли въ собственность государства и обращеніе въ его доходъ поземельной ренты,—одно время была лозунгомъ широкаго общественнаго движенія, особенно въ Америкѣ и въ Великобританіи. Этой идеѣ сочувствовали не только трудящіеся классы населенія, но также и капиталисты, затратившіе свои капиталы въ сельскохозяйственную промышленность. Эти послѣдніе, фермеры, были очень недовольны быстрымъ ростомъ ренты и въ особенности искусственнымъ ея повышеніемъ посредствомъ насильственнаго присвоенія собственниками земли, при заключеніи новыхъ арендныхъ контрактовъ, извѣстной части фермерскаго дохода отъ хозяйственныхъ улучшеній. Особенный успѣхъ въ походѣ противъ частной поземельной собственности выпалъ на долю Генри Джорджа, полагавшаго, что всѣ экономическія бѣдствія человѣчества исключительно зависятъ отъ существованія частной собственности на землю. Уничтожьте частную собственность на землю, и тогда исчезнетъ бѣдность и падутъ всѣ оковы, мѣшающія прогрессу человѣчества!

Д. Рикардо выставляетъ, собственно, нѣсколько причинъ, приведшихъ къ тому, что земля, этотъ естественный дѣятель природы, сдѣлалась самостоятельнымъ источникомъ поземельнаго дохода, подъ именемъ ренты: 1) ограниченность этого блага природы; 2) неоднородность качествъ земли, 3) разнообразіе ея мѣстоположенія по отношенію къ рынкамъ сбыта, и 4) увеличеніе народонаселенія.

Первая и послѣдняя изъ этихъ основныхъ причинъ возникновенія ренты необходимо должны быть разсмотрѣны совмѣстно, такъ какъ самое понятіе объ ограниченности количества земли вытекаетъ изъ предположенія о чрезмѣрномъ размноженіи народонаселенія.

Утверждая, что количество земли ограниченно, Д. Рикардо внушалъ мысль, что люди такъ размножи-

лись, что для ихъ прокормленія уже недостаточно земли, имѣющейся на лицо на нашей планетѣ.

Ф. Кенэ, по свойственному французамъ легкомыслію, полагалъ, что все на землѣ устроено Творцемъ наилучшимъ образомъ для блага человѣка, Д. Рикардо, не соглашаясь съ этимъ, утверждаетъ, что, напротивъ, при сотвореніи міра сдѣлана крупная ошибка воздуха и воды дано людямъ въ изобиліи, а земли маловато...

C'est dommage, Garo, que tu n'es point entré
Aux conseils de Celui que prêche ton curé:
Tout aurait été mieux [1])

Мысль о недостаткѣ земли, какъ средства къ существованію, зародилась еще въ умахъ дикарей, много тысячелѣтій тому назадъ подъ ея вліяніемъ они убивали новорожденныхъ, особенно дѣвочекъ, больныхъ, стариковъ; вели войны, занимались людоѣдствомъ... Эта мысль угнетала и философскіе умы Платона и Аристотеля, и до сихъ поръ продолжаетъ мучить разныхъ мыслителей, философовъ и политиковъ.

Та-же мысль, облеченная въ форму научнаго принципа, легла въ основу знаменитаго трактата Мальтуса о законѣ народонаселенія, въ которомъ онъ категорически заявляетъ, что народонаселеніе имѣетъ тенденцію возрастать въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства къ существованію могутъ увеличиваться только въ ариѳметической прогрессіи.

Д. Рикардо, современникъ Мальтуса, пришелъ въ восторгъ отъ этого трактата, такъ какъ гипотеза Мальтуса вполнѣ гармонировала съ его собственными экономическими взглядами на человѣческую жизнь. «Я считаю себя счастливымъ»,—говоритъ Рикардо,— «что имѣю случай выразить удивленіе «Опыту о народонаселеніи» Мальтуса. Нападенія противниковъ на это великое произведеніе послужили только доказательствомъ его значенія, я убѣжденъ, что истинная его репутація станетъ распространяться по мѣрѣ разработки той науки, которой онъ служитъ столь славнымъ украшеніемъ. Сверхъ того, Мальтусъ удовлетворительно объяснилъ начала ренты, показавъ, что

---

[1]) „Какъ жаль, Гаро, что ты не состоишь членомъ совѣта у Господа Бога, тогда міръ былъ-бы лучше устроенъ". Изъ Лафонтена.

она возвышается и падаетъ въ соотвѣтствіи съ относительными выгодами плодородія или положенія различныхъ земель, состоящихъ въ обработкѣ»...

Рикардо, какъ доктринеръ, не тревожился людскимъ горемъ, не гонялся за идеалами, не искалъ новыхъ путей для достиженія общечеловѣческаго счастья. Экономическій строй, который тогда господствовалъ, представлялся его умственному взору вполнѣ согласованнымъ, въ своихъ общихъ чертахъ, съ законами природы, хотя и суровыми по отношенію къ человѣческимъ массамъ, обреченнымъ жить за счетъ своего труда, но неизбѣжными и неизмѣнными, которымъ, по необходимости, слѣдуетъ подчиняться. Онъ поставилъ своей задачей лишь изученіе и объясненіе этихъ законовъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ совѣтовъ благоразумія, въ родѣ тѣхъ, которые проповѣдывалъ Мальтусъ. По его мнѣнію, причина бѣдности рабочихъ классовъ—это не соціальныя неурядицы, а размноженіе рабочихъ сверхъ естественной нормы. Надо, впрочемъ, отдать справедливость Рикардо, онъ былъ въ сущности не пессимистъ, а скорѣе оптимистъ, только особаго рода,—не въ философскомъ, а въ житейскомъ смыслѣ этого слова. Сдѣлавшись, благодаря биржевой игрѣ, крупнымъ капиталистомъ и землевладѣльцемъ, Д. Рикардо вращался въ высшемъ буржуазномъ обществѣ, былъ его душою, защищалъ его интересы, оборонялъ его отъ нападокъ и обвиненій. Все это общество, какъ и Рикордо, утопало въ роскоши, наслаждалось всѣми благами міра, за счетъ прибыли и ренты, и, конечно, считало такой порядокъ вещей наилучшимъ. Одно могло тревожить его жизнерадостное настроеніе, это—вопли арміи бѣдняковъ, рабочаго класса, который въ то время, какъ извѣстно, особенно бѣдствовалъ въ Англіи, подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса. О, не тревожьтесь этими стонами, успокойте свою совѣсть, не проливайте напрасно слезъ и не вздумайте, по глупости, помогать бѣднякамъ: этимъ вы только увеличите ихъ бѣдствія. Поймите законъ природы, не противодѣйствуйте его естественнымъ велѣніямъ, не тратьте денегъ на обреченныхъ имъ на гибель и страданія. Живите и наслаждайтесь спокойно вашими богатствами! Такъ утѣшалъ крупныхъ англійскихъ капиталистовъ и лордовъ-землевладѣльцевъ великій экономистъ, въ трудную для нихъ минуту жизни...

Рикардо не смотритъ на рабочаго, какъ на человѣка съ высшими цѣлями и задачами въ жизни, интересы котораго совпадаютъ съ интересами всего человѣчества. По его глубокому убѣжденію, рабочій — это вещь, для которой онъ придумалъ даже особое отвлеченное имя — «трудъ». Ну, а говоря о вещи, стоитъ-ли о ней заботиться, въ особенности, если эта вещь самая обыкновенная, переполняющая всѣ рынки міра!

Трудъ,—говоритъ Рикардо,—имѣетъ цѣну естественную и рыночную. Естественная цѣна труда есть та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода. Когда рыночная цѣна труда временно превосходитъ естественную его цѣну, положеніе рабочаго становится счастливымъ и цвѣтущимъ, онъ можетъ располагать большимъ количествомъ предметовъ необходимости и наслажденій, и, слѣдовательно, воспитать здоровую и многочисленную семью. Но, благодаря высокой цѣнѣ труда, число рабочихъ возрастаетъ, задѣльная плата понижается снова до естественной цѣны его, иногда-же дѣйствіе реакціи бываетъ таково, что она падаетъ еще ниже, и тогда многіе умираютъ...

«Явное и непосредственное стремленіе законодательства о бѣдныхъ находится въ прямомъ противорѣчіи съ этими очевидными началами. Законы о бѣдныхъ не только не отвѣчаютъ благодѣтельному желанію законодателя улучшить положеніе бѣдныхъ, но, напротивъ того, одинаково ухудшаютъ жизненныя условія какъ *богатыхъ* (?), такъ и бѣдныхъ; вмѣсто обогащенія бѣдняка, они разсчитаны на разореніе богача»... «Пагубное стремленіе этихъ законовъ уже не составляетъ тайны съ тѣхъ поръ, какъ ее разоблачило искусное перо г. Мальтуса, и всѣ друзья бѣдныхъ должны горячо желать ихъ уничтоженія»... «Довольство и благосостояніе бѣдныхъ (sic) могутъ получить прочное обезпеченіе лишь тогда, когда, подъ вліяніемъ собственныхъ ихъ стараній или нѣкоторыхъ усилій со стороны законодательства, возрастаніе числа бѣдныхъ подвергнется ограниченіямъ, и ранніе, непредусмотрѣнные браки сдѣлаются менѣе многочисленными, это составляетъ истину, не допускающую сомнѣнія. Система законодательства о бѣдныхъ дѣйство-

вала въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Она сдѣлала всякое воздержаніе излишнимъ и оказывала поощреніе непредусмотрительности, предлагая ей часть вознагражденія, принадлежащаго благоразумію и трудолюбію»... «Природа бѣдствія указываетъ на средства исцѣленія. Ограничивая постепенно кругъ дѣйствія законовъ о бѣдныхъ, внушая бѣднымъ понятіе о значеніи независимости, показывая имъ, что они не должны болѣе разсчитывать на помощь систематической и случайной благотворительности, и что благоразуміе и предусмотрительность не только полезны, но и выгодны, можно будетъ постепенно достигнуть болѣе прочнаго и полезнаго порядка вещей».

Такимъ образомъ, бѣдность—это естественное состояніе рабочихъ классовъ, противъ которой безсильны и общество, и государство.

Въ 1736 году Вольтеръ написалъ небольшое стихотвореніе подъ заглавіемъ «Le mondain», которое пріобрѣло громкое историческое значеніе, хотя содержаніе его было самое обыкновенное—описаніе жизни свѣтскаго человѣка. Въ названномъ стихотвореніи говорится, что свѣтскій человѣкъ, не задаваясь никакими серьезными мыслями по отношенію къ окружающей его жизни, утопаетъ въ роскоши, холитъ свое тѣло, содержитъ нѣсколько любовницъ, вечерами ходитъ по театрамъ, концертамъ, откуда отправляется въ пріятномъ обществѣ ужинать, и такъ проводитъ свою жизнь въ ежедневныхъ развлеченіяхъ.

Кажется, тема вполнѣ невинная. Между тѣмъ, за это стихотвореніе кардиналъ Флёри возбудилъ противъ автора преслѣдованіе, настолько серьезное, что Вольтеръ, боясь попасть въ Бастилію, бѣжалъ въ Пруссію.

Шлоссеръ, знаменитый историкъ-философъ, хорошо знакомый съ безнравственною проповѣдью «Мальтуса-Рикардо», вспоминая разсказанное нами происшествіе, съ горечью восклицаетъ: «Принципы «Le mondain», которыми тогда всѣ возмущались, систематически нынѣ излагаются, какъ высшая мудрость, въ главной наукѣ нашего времени—политической экономіи».

Законъ Мальтуса, принятый Рикардо, такъ напугалъ всѣхъ, что для предотвращенія бѣдствія начали придумывать разныя средства. Мальтусъ предложилъ рецептъ—воздержаніе отъ дѣторожденія, но онъ оказался непримѣнимымъ. Въ виду этого, для искорененія

зла, нѣкоторые предложили вытравленіе плода, другіе совѣтывали дѣтоубійство, ссылаясь на авторитеты Платона и Аристотеля, а также на примѣръ Китая, гдѣ убійство дѣвочекъ было тогда дозволено закономъ. Одинъ англійскій экономистъ придумалъ истребленіе новорожденныхъ путемъ удушенія безъ боли (painless extinction), при помощи углекислаго газа. Вейнхольдъ, совѣтникъ саксонскаго регентства, очень серьезно проповѣдывалъ кастрацію. Докторъ Лондонъ хотѣлъ обязать женщинъ кормить грудью новорожденныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ, исходя изъ того предположенія, что женскія груди и матки (utérus) по существу антипатичны, и что поэтому, при усиленномъ упражненіи грудей, матка будетъ угнетена, дѣторожденіе затруднено и населеніе не будетъ возрастать. Дубельдай пошелъ еще дальше; онъ предложилъ откармливать женщинъ до ожирѣнія, какъ гусей, куръ и свиней, дабы помѣшать ихъ плодовитости.

Какъ напугались и какой вздоръ нагородили, подъ вліяніемъ паники, гг. «благодѣтели» человѣчества по поводу закона Мальтуса, который, по своему существу, также страшенъ, какъ уродливая маска на балъ-маскарадѣ или сказка о бабѣ Ягѣ!

Мальтусъ говоритъ, что люди, если нѣтъ препятствій, могутъ размножаться въ пропорціи геометрической прогрессіи; при этомъ населеніе должно удваиваться каждыя 25 лѣтъ. Но въ томъ-то и дѣло, что сама природа ставитъ препятствія для размноженія живыхъ организмовъ. Напримѣръ, мясная муха (Musca carnaria) производитъ около 20.000 личинокъ, которыя развиваются такъ быстро, что достигаютъ полнаго роста въ теченіе пяти дней; каждая такая личинка остается въ стадіи куколки пять или шесть дней; слѣдовательно, въ продолженіе двухъ недѣль численность этихъ мухъ должна бы увеличиться, по крайней мѣрѣ, въ 10.000 разъ. Предположивъ, что столь быстрое размноженіе продолжается только три лѣтнихъ мѣсяца, мы получимъ вмѣсто каждой мухи, существовавшей въ началѣ лѣта, сотню трилліоновъ въ концѣ его, число, вѣроятно, большее, чѣмъ когда-либо существовало мухъ на всемъ земномъ шарѣ. И это лишь по отношенію къ одному виду, тогда какъ существуютъ тысячи другихъ, размножающихся съ такою же поразительной быстротою.

Однако, препятствія, весьма сложныя, находящіяся въ зависимости отъ соотношенія, существующаго между всѣмъ неорганическимъ и органическимъ міромъ, никогда не позволяли мухамъ и всѣмъ инымъ организмамъ чрезмѣрно размножаться, нарушая этимъ гармонію міра. И человѣкъ, нѣтъ сомнѣнія, неспособенъ плодиться въ той огромной пропорціи, на которую указываетъ Мальтусъ.

Насколько извѣстны законы природы, даже исключительная способность къ быстрому размноженію нѣкоторыхъ организмовъ предназначена не для истребленія, а для поддержанія и продолженія ихъ рода. Организмы, наиболѣе подверженные опасности, способны размножаться въ чудовищныхъ размѣрахъ; наоборотъ, тѣ изъ нихъ, которые болѣе приспособлены къ борьбѣ за существованіе, лишены этой способности. То же самое замѣчается и между людьми; среди бѣдныхъ классовъ населенія рождаемость значительно больше, чѣмъ среди тѣхъ классовъ, которые пользуются избыткомъ довольства; смертность же дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи.

По свѣдѣніямъ Б о д і о, въ Римской имперіи, въ годъ смерти Августа, насчитывалось всего 54 милліона жителей, въ томъ числѣ въ Европѣ 23 м., а именно: въ Италіи 6 м., въ Испаніи 6 м., въ Греціи 3 м., въ Галліи 3,4 м., въ прочихъ европейскихъ странахъ 4,6 м.; въ Азіи 19,5 м., въ Африкѣ 11,5 м.

Въ 1896 г. общее число жителей земного шара исчислялось приблизительно въ 1.515 мил., изъ которыхъ жило:

	На сколькихъ милл. кв километровъ.	Милліоны жителей.	Жителей на 1 кв. киломъ.
Въ Европѣ	10,5	383	36,5
» Азіи	44,2	828	18,7
» Африкѣ	29,8	169	5,7
» Америкѣ (безъ Гренландіи)	38,3	129	3,4
» Австраліи	9,0	6	0,7
» Полярныхъ странахъ	4,5	—	—
Итого . . .	136,3	1.515	11,1

Въ настоящее время болѣе или менѣе разумная

культура даетъ возможность существовать при густотѣ населенія въ 220,7 жителей на 1 кв. килом., какъ, напр, въ Бельгіи; это—фактъ, который краснорѣчиво доказываетъ, что не можетъ быть и рѣчи о перенаселеніи земного шара, когда, въ среднемъ, приходится всего еще $11^1/_2$ человѣкъ на 1 кв. километръ.

Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что въ рукахъ человѣка, какъ разумнаго существа, природа становится неисчерпаемымъ источникомъ богатствъ; при дальнѣйшемъ развитіи науки, во всѣхъ ея отрасляхъ, невозможно и предсказать, до какой степени продуктивности достигнетъ его трудъ и какая, поэтому, густота населенія сдѣлается возможной впослѣдствіи; вѣроятно, она будетъ грандіозна.

Можно ли въ виду этого говорить серьезно, что люди недостаточно обезпечены землей?

Нѣтъ сомнѣнія, несмотря на изобиліе земель, раздаются и тутъ, и тамъ жалобы на недостатокъ ихъ, но корень зла, какъ теперь, такъ и въ эпоху дикаго человѣка, занимавшагося исключительно охотой и рыболовствомъ въ предѣлахъ ограниченнаго района, кроется въ невѣжествѣ, въ неумѣніи примѣнить болѣе рациональные способы къ воздѣлыванію земли и вообще въ экономическихъ неурядицахъ.

Шаткость основного положенія гипотезы Рикардо еще болѣе понятна, если принять въ соображеніе, что онъ вынужденъ былъ признать, что для возникновенія собственности на землю и ренты необходимы еще другія условія, ничего общаго не имѣющія съ его основнымъ положеніемъ «объ ограниченномъ благѣ», а именно: 1) физическое разнообразіе воздѣлываемыхъ земель въ отношеніи ихъ плодородія и 2) ихъ различіе въ экономическомъ положеніи, въ смыслѣ ихъ удобства для сбыта на продажу сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Теперь представимъ себѣ мысленно, съ одной стороны, что на нашей планетѣ дѣйствительно существуетъ недостатокъ въ землѣ для удовлетворенія потребностей человѣка, и, съ другой, что качество земли вездѣ, при этомъ, однообразно и участки земель расположены вездѣ одинаково удобно въ экономическомъ отношеніи; тогда, придерживаясь строго аргументаціи Рикардо, мы должны были бы придти къ заключенію, что въ этомъ случаѣ никакой ренты не было бы,

какъ вознагражденія за пользованіе «ограниченнымъ благомъ природы».

Такимъ образомъ, оказывается, что рента платится вовсе не потому, что земля представляетъ собою «ограниченное благо природы», а совершенно по другимъ причинамъ, именно потому, что земля представляетъ въ физическомъ и экономическомъ отношеніи значительное различіе.

Калейдоскопъ доказательствъ слегка повернутъ вправо или влѣво, и мертвые блестящіе камешки перепутались... получилась новая картина, а старая исчезла...

«Когда, при возрастаніи населенія»,—продолжаетъ Рикардо,—«принимаются за обработку земель второстепеннаго плодородія, немедленно возникаетъ рента для земель первостепеннаго плодородія и размѣръ ея зависитъ отъ различія въ качествѣ земли этихъ двухъ категорій. Когда поступаетъ въ обработку земля третьяго сорта, то немедленно является рента на земляхъ втораго качества и опредѣляется, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, различіемъ въ производительныхъ свойствахъ той и другой почвы. Рента земель перваго сорта въ то же время возвышается, такъ какъ она должна быть постоянно выше ренты съ земель второго сорта, вслѣдствіе различія въ количествѣ продуктовъ, которые производятъ эти участки, при данной затратѣ капитала и труда. При всякомъ увеличеніи населенія, побуждающемъ приняться за земли низшаго плодородія, для увеличенія количества пищи, рента за всѣ болѣе плодородныя земли возрастаетъ».

Въ приведенной выпискѣ Рикардо доказываетъ, что въ тотъ историческій моментъ, когда еще имѣется неисчерпаемый запасъ необработанной земли въ распоряженіи человѣка, именно когда едва начинаетъ поступать въ обработку земля второго сорта, тотчасъ возникаетъ рента для земель перваго разряда и т. д.; въ виду этого, является вопросъ, за что же именно, при обиліи земель, можетъ платиться рента? У Рикардо и на это имѣется точный отвѣтъ: за пользованіе естественными силами лучшихъ, наиболѣе плодородныхъ, участковъ.

Правда, эксплуатація природныхъ силъ на отдѣльныхъ участкахъ земли даетъ неодинаковые результаты, въ виду разности въ ихъ плодородіи, но изъ

этого вовсе не слѣдуетъ, что рента есть результатъ пользованія природными силами земли на лучшихъ участкахъ, находящихся въ обработкѣ.

Люди вообще склонны облекать всѣ явленія: природныя, политическія и экономическія—въ таинственную форму, отыскивая причину ихъ въ дѣйствіи или миѳическихъ существъ, или метафизическихъ сущностей. Какъ ни грустно, но надо признать, что Огюстъ Контъ отчасти былъ правъ, не считая политическую экономію за науку; по крайней мѣрѣ, въ его время она дѣйствительно не была наукой. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было назвать наукой ученіе, которое, въ лицѣ Ад. Смита, признавало за фактъ, что природа работаетъ и ея произведенія имѣютъ цѣну наравнѣ съ произведеніями самыхъ лучшихъ работниковъ? Это, вѣдь, даже не метафизика, а грубый фетишизмъ, приписывающій природнымъ силамъ земли человѣческія свойства.

Природа все даетъ даромъ: и свѣтъ, и воздухъ, и воду, и землю, и потому эти элементы не могутъ имѣть никакой экономической цѣнности сами по себѣ.

Какъ бы земля ни была плодородна, она не можетъ дать никакого дохода, если кто-нибудь не приложитъ труда или къ ея воздѣлыванію, или хотя бы просто къ собиранію естественныхъ ея произведеній: лѣса, травы, грибовъ и ягодъ.

Только трудъ, одинъ трудъ создаетъ продукты, и только они могутъ имѣть цѣну и, слѣдовательно, только продукты труда могутъ быть источникомъ ренты. Естественныя силы земли даютъ лишь возможность человѣку трудиться при болѣе или менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ солнце, лучи котораго согрѣваютъ жатву, какъ роса и дождь, питающіе землю своей влагой.

Крупные собственники земли не затрачиваютъ своего личнаго труда на ея обработку, пользуясь для этого услугами наемныхъ рабочихъ, и жатва на ихъ поляхъ составляетъ продуктъ труда этихъ рабочихъ, и если владѣлецъ получаетъ, въ формѣ ренты, часть этой жатвы, то его доходъ образуется не иначе, какъ путемъ присвоенія въ свою пользу продуктовъ ихъ труда.

Такимъ образомъ очевидно, что рента, какъ особый видъ дохода, должна обусловливаться не пользо-

ваніемъ природными силами земли, а распредѣленіемъ продуктовъ человѣческаго труда между лицами, такъ или иначе причастными къ земледѣльческой промышленности.

Эта основная идея легко затемняется и искажается, когда явленіе ренты разсматриваютъ во всей его сложной формѣ, въ совокупности съ такими факторами, какъ капиталъ, заработная плата, собственность, аренда, деньги, цѣна, рынокъ, спросъ и предложеніе. Между тѣмъ, только эта идея, правильно понятая и положенная въ основу ученія о рентѣ, можетъ скинуть съ нея таинственное покрывало.

IV.

Мы уже сказали, что К. Марксъ пытался въ основу ученія о рентѣ положить совершенно правильную мысль, именно ту, что рента какъ и прибыль, представляетъ собою ничто иное, какъ особый видъ эксплуатаціи труда рабочихъ. Онъ твердо придерживается этого мнѣнія, пока дѣло идетъ о доходахъ землевладѣльцевъ временъ рабства и крѣпостного права. Трудъ *земледѣльческихъ рабочихъ* былъ тогда, говоритъ онъ, дѣйствительнымъ и несомнѣннымъ источникомъ, изъ котораго возникала рента. Но К. Марксъ, къ сожалѣнію, не могъ удержаться на этой твердой позиціи, какъ только пришлось перейти за границу отжившихъ формъ производства. Наступила эра капиталистическаго производства, съ его сложными функціями на аренѣ мірового рынка, и произошло какъ бы чудо: трудъ земледѣльческихъ рабочихъ пересталъ быть источникомъ ренты, и послѣдняя начала пополняться, при помощи сложной механики товарныхъ цѣнъ, изъ кармана гг. потребителей сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Измѣненіе источника ренты совершилось, будто-бы, такимъ образомъ. Капиталъ, ворвавшись въ сферу сельско-хозяйственнаго производства, поглотилъ сполна прибавочную стоимость, создаваемую трудомъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, и положеніе землевладѣльцевъ сдѣлалось-бы безвыходнымъ, если бы не произошло слѣдующаго. Капиталистъ, поглотившій, какъ акула, весь прибавочный трудъ земледѣльцевъ, вынужденъ былъ, однако, найти деньги для уплаты

арендной платы землевладѣльцу, у котораго онъ снималъ землю. Эти средства явились сами собой, вслѣдствіе автоматическаго повышенія на рынкѣ цѣнъ на продукты земледѣльческой промышленности, въ зависимости главнымъ образомъ отъ того, что цѣна на нихъ стала опредѣляться стоимостью производства продуктовъ худшихъ участковъ земли, а продукты лучшихъ земель, поэтому, начали продаваться значительно выше ихъ дѣйствительной стоимости. Повышенію цѣнъ содѣйствовало также то обстоятельство, что съ развитіемъ капиталистическаго строя усилился спросъ на земледѣльческіе продукты. Излишекъ отъ повышенныхъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты и составляетъ ту сумму, изъ которой выплачивается рента землевладѣльцамъ.

Гипотеза К. Маркса, по своему существу, ничѣмъ, собственно, не отличается отъ гипотезы Д. Рикардо, который тоже утверждалъ, что продукты земледѣлія продаются выше ихъ дѣйствительной стоимости, что рента выплачивается изъ кармана потребителей сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и что, наконецъ, капиталъ, затрачиваемый въ сельское хозяйство, обращаетъ весь прибавочный трудъ земледѣльческихъ рабочихъ въ свою прибыль, ничего не оставляя изъ этого источника на долю землевладѣльцевъ.

Изъ гипотезы К. Маркса вытекаетъ, что, съ одной стороны, рента является величайшимъ зломъ для человѣчества, обусловливая дороговизну самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія — сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а съ другой—избавиться отъ ренты невозможно, при данныхъ условіяхъ. Земельная рента предполагаетъ наличіе земельной собственности, которая обусловливается, съ своей стороны, существованіемъ физическихъ и экономическихъ различій между отдѣльными участками земли,—различій, которыя собственно и порождаютъ ренту, какъ особый спеціальный доходъ, и тѣмъ самымъ создаютъ условія для появленія на сцену собственниковъ этого дохода, а слѣдовательно, и собственниковъ на землю, съ которой онъ получается. Иначе, кто-же будетъ пользоваться этимъ доходомъ? Будь эта гипотеза правильной, *уничтоженіе ренты представлялось бы совершенно невозможнымъ*. Въ самомъ дѣлѣ, *представимъ себѣ, что частная собственность отмѣнена и вся земля*

отдана въ безплатное пользованіе земледѣльцевъ. Что же тогда будетъ? Тѣ земледѣльцы, которымъ достанутся лучшіе участки, станутъ въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ другіе, т.-е. захватятъ ренту въ свои руки, и, кромѣ несправедливости, ничего нельзя ожидать отъ такой, казалось бы, благодѣтельной мѣры. Слѣдовательно, *во имя справедливости, въ этомъ случаѣ пришлось бы объявить собственникомъ земли государство, и взимать съ земледѣльцевъ ренту.* Наконецъ, надо принять въ расчетъ, что въ составъ товарныхъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты входитъ рента, какъ самостоятельная величина, независимая отъ стоимости продукта, и что измѣнить эти цѣны нельзя циркулярными предписаніями, а значитъ, въ виду этого, нельзя и упразднить ренту и, какъ ея естественное послѣдствіе,—земельную собственность.

Намъ придется на слѣдующихъ страницахъ высказать свое мнѣніе о слабости аргументовъ, выставляемыхъ Д. Рикардо и К. Марксомъ, въ защиту положенія, что рента не составляетъ результата эксплуатаціи земледѣльческихъ рабочихъ. Теперь же, мы замѣтимъ только, что разъ будетъ доказано, что это положеніе неправильно и что источникомъ ренты въ дѣйствительности является прибавочная стоимость, создаваемая трудами сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, въ такомъ случаѣ вся гипотеза о рентѣ, созданная общими усиліями названныхъ экономистовъ, окажется непріемлемой. Въ самомъ дѣлѣ, если рента получается землевладѣльцами изъ общаго фонда стоимостей, производимыхъ земледѣльцами, то этотъ фактъ самъ собою заставитъ насъ признать, что цѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ опредѣляется ихъ дѣйствительной стоимостью и они вовсе не продаются по расчету: стоимость + рента, выплачиваемая землевладѣльцамъ.

Указываютъ еще на другія причины, вызывающія измѣненія въ цѣнахъ продуктовъ сельско-хозяйственной промышленности.

Проведеніе въ странѣ новыхъ улучшенныхъ путей сообщенія, водяныхъ и сухопутныхъ, несомнѣнно содѣйствуетъ повышенію доходности тѣхъ земельныхъ участковъ, хозяева которыхъ, благодаря этимъ сооруженіямъ, получатъ облегченіе въ сбытѣ продуктовъ на рынокъ. Но, съ другой стороны, необходимо имѣть

въ виду, что, въ этомъ случаѣ, понизится соотвѣтственно доходность земельныхъ участковъ, ранѣе пользовавшихся, по сравненію съ первыми, привилегіей большей близости къ рынку. Одновременно съ этимъ, разумѣется, цѣна хлѣба первыхъ участковъ повысится, а цѣна хлѣба вторыхъ—понизится, такъ какъ повышеніе и пониженіе доходности этихъ участковъ опредѣляется измѣненіемъ цѣнъ на ихъ сельско-хозяйственные продукты. При прочихъ равныхъ условіяхъ, эти частныя измѣненія въ хлѣбныхъ цѣнахъ, вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ и проч.,—компенсируя другъ друга, не могутъ вліять на общее измѣненіе цѣнъ на рынкѣ, куда сбываются продукты земельныхъ участковъ, расположенныхъ вдоль линіи новой дороги. И вообще нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній предполагать, что постройка желѣзныхъ дорогъ содѣйствуетъ общему подъему цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты и соотвѣтственному повышенію общей суммы ренты въ государствѣ.

Въ Россіи, напр., за послѣднія десятилѣтія построено большое количество желѣзныхъ дорогъ, между тѣмъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ департаментомъ таможенныхъ сборовъ, за періодъ 1871—1897 гг., цѣна пшеницы понизилась на 38%, а цѣна ржи—на 21%. Рядомъ съ этимъ, цѣна на земли сильно поднялась, но это уже зависѣло не отъ постройки желѣзныхъ дорогъ, а отъ развитія системы «голодной аренды», т.-е. повышенія арендной платы съ земли, отдаваемой въ наемъ малоземельнымъ крестьянамъ, до размѣровъ, вынуждавшихъ арендаторовъ-крестьянъ чуть-ли не всю жатву отдавать въ пользу помѣщика, а также отъ усиленныхъ покупокъ земли крестьянами по «бѣшенымъ» цѣнамъ.

Но если при проведеніи желѣзныхъ дорогъ повышеніе цѣнъ на хлѣбъ и ренты на отдѣльныхъ участкахъ, не вызывая общаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ на рынкахъ и общаго подъема ренты на всѣхъ земляхъ, находящихся въ обработкѣ, происходитъ исключительно за счетъ пониженія цѣнъ на хлѣбъ и ренты на другихъ участкахъ, теряющихъ свое привилегированное положеніе съ проведеніемъ желѣзной дороги, то невольно возникаетъ вопросъ, не совершается ли такое же перераспредѣленіе общей суммы ренты между отдѣльными участками и въ другихъ аналогичныхъ

случаяхъ измѣненія хлѣбныхъ цѣнъ и ренты. При изслѣдованіи подобныхъ вопросовъ нельзя дѣлать поспѣшныхъ обобщеній и выводовъ, опираясь на частные случаи, указывающіе на повышеніе или пониженіе ренты и цѣнъ на продукты, въ зависимости отъ того или другого явленія, какъ въ приведенномъ примѣрѣ. Постройка желѣзныхъ дорогъ, если она не вызываетъ измѣненія въ общихъ условіяхъ веденія сельскаго хозяйства, т.-е. если и послѣ ихъ постройки на сельское хозяйство затрачиваются неизмѣнно тѣ же рабочія силы, тотъ же капиталъ, тѣ же орудія производства и т. п., то, очевидно, общая сумма производимыхъ въ странѣ сельскохозяйственныхъ цѣнностей не измѣнится, а поэтому не можетъ произойти и никакихъ перемѣнъ ни въ цѣнахъ на продукты сельскаго хозяйства, ни въ общей суммѣ ренты, выплачиваемой всѣмъ землевладѣльцамъ, вмѣстѣ взятымъ. Если же, наоборотъ, постройка желѣзной дороги вызываетъ измѣненіе всѣхъ этихъ хозяйственныхъ факторовъ, то, конечно, можетъ произойти и общее измѣненіе какъ въ цѣнахъ на сельскохозяйственные продукты, такъ и въ рентѣ, но это уже будетъ находиться въ зависимости не отъ непосредственнаго вліянія желѣзной дороги, т.-е. отъ удешевленія расходовъ на перевозку сельскохозяйственныхъ товаровъ, а именно отъ измѣненія общихъ условій сельскаго хозяйства; слѣдовательно, роль желѣзной дороги въ подобныхъ случаяхъ надо понимать лишь въ смыслѣ внѣшняго толчка для наступившихъ перемѣнъ въ хозяйствѣ; пертурбація же въ цѣнахъ и въ рентѣ будетъ, и въ этомъ случаѣ, опредѣляться своими самостоятельными причинами, изслѣдованіе которыхъ и составляетъ задачу экономистовъ.

Увеличеніе густоты населенія тоже не всегда, какъ полагаютъ, ведетъ къ увеличенію хлѣбныхъ цѣнъ и повышенію, вслѣдствіе того общей суммы ренты. Напротивъ, факты доказываютъ, что въ настоящее время, несмотря на увеличеніе населенія, всюду замѣчается пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ. Такъ у насъ, напримѣръ, въ послѣднія сорокъ лѣтъ населеніе удвоилось, а хлѣбъ за тотъ же періодъ понизился въ цѣнѣ. Это объясняется въ значительной мѣрѣ безчеловѣчной эксплуатаціей труда крестьянъ, вынуждавшей ихъ сократить свое питаніе чуть ли не на половину противъ

обычной нормы и выбрасывать скопленный голодомъ хлѣбъ на рынокъ за безцѣнокъ, для утоленія ненасытной утробы своихъ эксплуататоровъ. Но, съ другой стороны, какъ извѣстно, хлѣбъ понизился въ цѣнѣ и въ другихъ странахъ, несмотря на постоянное возрастаніе населенія. Это частью зависитъ отъ наплыва въ Европу дешеваго хлѣба малокультурныхъ странъ Азіи, а также дешеваго русскаго хлѣба. Затѣмъ, есть и другія, болѣе серьезныя причины—это улучшеніе культуры хлѣба, распространеніе болѣе выгоднаго интенсивнаго хозяйства, повышеніе развитія и знаній въ земледѣльческихъ классахъ цивилизованныхъ странъ и введеніе болѣе совершенныхъ техническихъ пріемовъ и сельскохозяйственныхъ орудій. Все это, вмѣстѣ взятое, несомнѣнно доказываетъ, что и увеличеніе густоты населенія, сопровождающееся возрастаніемъ спроса на продукты земледѣльческаго хозяйства и расширеніемъ площади земледѣлія, не представляется такимъ факторомъ, который долженъ непремѣнно вести къ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ и къ увеличенію ренты. Тутъ мы должны кстати замѣтить, что будетъ очень ошибочно думать, что съ увеличеніемъ населенія поступаютъ въ оборотъ *худшія земли* и что это именно служитъ стимуломъ для общаго повышенія рыночныхъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты, а также ренты на участкахъ, болѣе выгодныхъ по своимъ физическимъ и экономическимъ условіямъ. Населеніе увеличивается постепенно и съ возрастаніемъ его густоты происходитъ разселеніе и занятіе такихъ земель, которыя ранѣе не обрабатывались,—не потому, что были плохого качества, но вслѣдствіе того, что ихъ территорія не была достаточно густо населена, съ заселеніемъ ихъ являются новые мѣстные рынки сбыта, совершенно достаточные для удержанія прежней нормы рыночныхъ цѣнъ на сельскохозяйственные продукты; однимъ словомъ, соотвѣтственно увеличенію спроса на эти продукты появляется и предложеніе; въ этомъ именно и заключается процессъ распашки новыхъ земель. Такимъ образомъ, гипотезу о повышеніи ренты, вслѣдствіе того, что будто бы, съ увеличеніемъ населенія, въ обработку вводятся худшіе участки земли, далеко нельзя считать доказанной.

Тѣмъ не менѣе, самый фактъ роста землевладѣльческой ренты, несмотря на приведенныя соображенія,

не подлежитъ сомнѣнію, и онъ такъ или иначе требуетъ объясненія. Насъ не интересуетъ, въ данный моментъ, вопросъ о ростѣ «голодной ренты», причина ея слишкомъ понятна — это присвоеніе той доли продукта труда рабочихъ, которая на языкѣ капитализма называется «заработной платой». Нѣтъ, мы будемъ говорить только о рентѣ капиталистической, не лишающей рабочаго того minimum'а жизненныхъ средствъ, которыя необходимы ему для поддержанія его существованія и его потомства.

Для объясненія факта роста ренты, замѣчаемаго повсюду, мы не будемъ дѣлать никакихъ отступленій отъ положеній вытекающихъ изъ основныхъ предпосылокъ экономической науки и строго примѣнявшихся К. Марксомъ къ объясненію экономическихъ явленій въ области фабрично-заводской промышленности. Иначе говоря, при объясненіи роста ренты, мы будемъ исходить изъ того общаго предположенія, что въ сельско-хозяйственной промышленности источникомъ дохода, независимо отъ того, какъ и между кѣмъ онъ распредѣляется, служитъ не что-нибудь особенное, а исключительно трудъ рабочихъ, занятыхъ въ этой отрасли промышленности.

Но, возразятъ намъ, примѣнить къ объясненію экономическихъ явленій въ сельско-хозяйственной промышленности основные законы капиталистическаго производства невозможно, въ виду того, что тутъ капиталъ сталкивается съ такими своеобразными особенностями, какъ, напр., огромное различіе плодородія почвы земельныхъ участковъ, отъ степени котораго зависитъ неравенство доходовъ получаемыхъ съ нихъ, а слѣдовательно и образованіе ренты.

На это мы, съ своей стороны, скажемъ, что въ фабрично-заводской промышленности тоже не всѣ предпріятія находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, относительно ихъ доходности, если считать таковой присвоеніе прибавочной стоимости труда рабочихъ, непосредственно занятыхъ въ данномъ промышленномъ предпріятіи. Въ этомъ отношеніи совершенно достаточно напомнить разницу, существующую въ строеніи капиталовъ, имѣющую такое-же важное значеніе, какъ и различіе въ плодородіи отдѣльныхъ участковъ земли. Въ производствахъ съ очень крупнымъ постояннымъ капиталомъ и незначительнымъ

перемѣннымъ, предназначеннымъ на наемъ рабочихъ, эксплуатація послѣднихъ далеко не можетъ обезпечить обычную прибыль на капиталъ; въ другихъ-же производствахъ, напротивъ, главную часть составляетъ перемѣнный капиталъ. Это обстоятельство, однако, не смущаетъ К. Маркса, и онъ говоритъ, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ прибыль капиталистовъ является результатомъ эксплуатаціи труда фабрично-заводскихъ рабочихъ. Какимъ-же образомъ? К. Марксъ совершенно правильно полагаетъ, что въ механизмѣ капиталистическаго производства есть средства, при помощи которыхъ парализуется, до извѣстной степени, вліяніе неравенства строенія капиталовъ въ разныхъ предпріятіяхъ на доходность послѣднихъ, при томъ такъ, что, въ концѣ концовъ, происходитъ уравненіе прибыли капиталистовъ за счетъ одного общаго ея источника—прибавочной стоимости, создаваемой всѣми рабочими фабрично-заводскаго производства. Конкуренція вынуждаетъ капиталистовъ подчиняться закону, въ силу котораго прибыль во всѣхъ предпріятіяхъ стремится къ среднему уровню; если извѣстная отрасль промышленности, благодаря строенію ея капитала, именно, когда постоянный капиталъ очень малъ, по сравненію съ перемѣннымъ [1]), — даетъ прибыль выше обычной нормы, то свободные капиталы приливаютъ къ этой отрасли и, понижая своей конкуренціей цѣны на продукты, заставляютъ и другихъ слѣдовать за ними въ этомъ направленіи, пока цѣна на товаръ не падетъ до размѣра, при которомъ привилегированное предпріятіе, въ смыслѣ строенія его капитала, не можетъ давать прибыли выше средняго уровня. Обратный процессъ происходитъ въ предпріятіяхъ, находящихся въ менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. когда постоянный капиталъ очень великъ по сравненію съ перемѣннымъ; въ этомъ случаѣ капиталистъ можетъ свободно и безпрепятственно продавать свои товары выше ихъ дѣйствительной стоимости, насколько это необходимо для образованія средней при-

[1]) Подъ постояннымъ капиталомъ подразумѣвается капиталъ, затраченный на фабричныя и заводскія зданія и машины, на уголь, дрова и пр., а также на покупку сырья, перемѣнный же капиталъ — это тотъ, который расходуется на выплату заработной платы рабочимъ

были на капиталъ, и, только перейдя эту границу, онъ встрѣтитъ задержку въ конкуренціи. Наблюдая эти явленія, К. Марксъ и создалъ свою знаменитую гипотезу «о производственныхъ цѣнахъ», регулирующихъ собою «среднюю прибыль» на капиталъ.

Не то-же ли самое совершается и въ области сельско-хозяйственной промышленности, съ тѣми измѣненіями, конечно, которыя свойственны ея особому положенію?

На чемъ, главнымъ образомъ, базируется описанная выше система уравненія прибыли на капиталъ въ фабрично-заводской промышленности? Производимыя рабочими стоимости служатъ здѣсь единственнымъ фондомъ для выплаты заработной платы и прибыли на капиталъ. Товары, если взять всю ихъ совокупность, продаются соотвѣтственно ихъ дѣйствительной стоимости, хотя каждый отдѣльный товаръ можетъ, при этомъ, продаваться ниже или выше его индивидуальной стоимости, вырученная сумма отъ продажи всѣхъ товаровъ, за покрытіемъ израсходованной части постояннаго капитала, распредѣляется такъ, что одна часть болѣе или менѣе равномѣрно дѣлится между рабочими, а другая — поступаетъ въ прибыль капиталистамъ и распредѣляется между послѣдними въ доляхъ, соотвѣтствующихъ средней нормѣ прибыли на капиталъ. Уничтожьте прибыль, и рабочіе фабрично-заводской промышленности будутъ обладателями всего продукта своего труда, если, конечно, общая стоимость, производимая ими въ этой отрасли промышленности, будетъ равномѣрно распредѣляться между рабочими.

Никто не будетъ спорить, что сельскохозяйственные продукты создаются трудомъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, и всѣмъ понятно, что до наступленія капитализма поземельная рента была простымъ присвоеніемъ землевладѣльцами извѣстной доли продуктовъ, созданныхъ трудами сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Одни землевладѣльцы, благодаря выгодности ихъ имѣній, въ зависимости отъ разныхъ условій—природныхъ и экономическихъ—были богаты, другіе пользовались среднимъ достаткомъ, а остальные жили бѣдно Послѣ освобожденія крестьянъ отъ рабства и крѣпостной зависимости, введенія наемнаго труда и денежнаго хозяйства, мало по малу пришлось водворять въ сельско-

хозяйственной промышленности капиталистическое производство, какъ и въ фабрично-заводской; такая перемѣна, конечно, могла вполнѣ осуществиться только въ имѣньяхъ землевладѣльцевъ культурныхъ странъ. Мы дѣлаемъ эту оговорку въ виду того, что у насъ, напр., капиталистическое хозяйство почти совсѣмъ отсутствуетъ и помѣщики продолжаютъ большею частью жить хищнической системой эксплуатаціи крестьянскаго труда, сдавая имъ по баснословно дорогимъ цѣнамъ земли въ аренду.

Но возвратимся къ капитализму въ сельскохозяйственной промышленности.

Капиталъ, водворившись въ области этой промышленности, долженъ былъ потребовать для гарантіи интересовъ своихъ собственниковъ то же самое, что составляетъ условіе sine qua non его господства въ фабрично-заводской промышленности, это—полученія средней прибыли на капиталъ, какъ minimum'а вознагражденія, безъ всякихъ, разумѣется, уступокъ съ его стороны за такую привилегію, въ родѣ, напр., нѣкотораго отчисленія въ пользу землевладѣльцевъ изъ фонда прибыли капитала фабрично-заводской промышленности извѣстной суммы для выплаты ренты, какъ полагаетъ К Марксъ. Такая сдѣлка не только была бы невыгодна, въ виду громадности ренты, получаемой всѣми землевладѣльцами, но ея нельзя было бы осуществить и на практикѣ. Капиталъ, затрачиваемый въ фабрично-заводскомъ производствѣ, пересталъ бы тогда, вслѣдствіе ослабленія фонда прибыли, получать «среднюю прибыль», безъ которой его участіе въ производствѣ, какъ мы знаемъ, становится немыслимымъ. Очевидно, поэтому, гипотеза, допускающая возможность пополненія поземельной ренты путемъ продажи сельскохозяйственныхъ продуктовъ по цѣнѣ, превышающей ихъ стоимость, изъ фонда прибыли фабрично-заводской промышленности, не выдерживаетъ критики. Не можетъ такое повышеніе цѣнъ происходить и за счетъ заработной платы фабрично-заводскихъ рабочихъ, такъ какъ ея размѣръ зависитъ совершенно отъ другихъ, точно опредѣленныхъ законовъ; наконецъ, рабочіе, въ видѣ прибавочной стоимости, отдаютъ все, что превышаетъ minimum средствъ ихъ существованія, и затѣмъ, если, тѣмъ не менѣе, имъ приходилось бы оплачивать поземельную ренту

въ формѣ переплатъ за хлѣбъ и проч., то это должно было бы вызвать повышеніе заработной платы, соотвѣтственно вздорожанію цѣнъ на продукты первой необходимости, а тѣмъ самымъ уменьшить прибыль на капиталъ, т.-е. паденіе ея средней нормы; это же, какъ сказано, рѣшительно невозможно. Наконецъ, переложеніе поземельной ренты съ ея коренного источника—прибавочнаго продукта земледѣльческихъ рабочихъ на прибавочный продуктъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, посредствомъ повышенія рыночныхъ цѣнъ на сельскохозяйственные товары, представляется мало вѣроятнымъ и по многимъ другимъ причинамъ. Капиталъ медленно и съ большими затрудненіями проникаетъ въ сельское хозяйство; онъ, при такихъ условіяхъ, не можетъ съ самаго начала произвести революцію на рынкѣ, повышая цѣны на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты. Въ началѣ процесса у капитала не хватило бы для этого силъ; въ эту эпоху нѣсколько сотенъ тысячъ или нѣсколько лишнихъ милліоновъ пудовъ хлѣба, выброшенныхъ капиталомъ на продажу—это песчинка въ морѣ всемірнаго рынка. Если это такъ, то откуда же берется и рента, и прибыль въ это время, какъ не изъ прежняго источника, т.-е. прибавочнаго продукта земледѣльческихъ рабочихъ? А затѣмъ, нѣтъ никакихъ причинъ къ измѣненію этого положенія и въ будущемъ, разъ оно оказалось вполнѣ возможнымъ въ начальномъ періодѣ капитализма. Кромѣ того, капиталъ, вводя въ оборотъ новые пріемы, болѣе раціональные, по обработкѣ земель, обыкновенно увеличиваетъ и удешевляетъ производство, слѣдовательно, понижаетъ, а не повышаетъ цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ [1]). Какъ же можно, повторяемъ, путемъ повышенія цѣнъ послѣднихъ переложить ренту съ земледѣлія на фабрично-заводскую промышленность?

Въ этомъ и не представляется надобности для капиталиста, затрачивающаго свои средства въ сель-

---

[1]) Въ Англіи, классической странѣ капитализма, бушель пшеницы въ періодъ 1782—1800 гг. стоилъ 89 пенсовъ, а затѣмъ, постепенно понижаясь въ цѣнѣ, въ періодъ 1881—1884 гг продавался по 58 пенсовъ (Mulhall). Въ то же время рента поднялась до колоссальныхъ размѣровъ, и значитъ ея ростъ совершался не за счетъ повышенія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты.

ско-хозяйственную промышленность. Капиталъ требуетъ только средней прибыли, когда обращается на воздѣлываніе земли. Именно этой основной мысли мы и должны придерживаться при изслѣдованіи вопроса о денежной рентѣ и ея источникѣ.

Піонеры-капиталисты, снимавшіе въ аренду [1]) земельные участки для веденія хозяйства, заставали въ этихъ имѣніяхъ извѣстный уже установившійся вѣками порядокъ эксплуатаціи земель владѣльцами, при чемъ, въ зависимости отъ разныхъ условій—природныхъ и экономическихъ—и тогда доходность имѣній была различна. Исходя именно изъ этой доходности землевладѣльцевъ, основанной исключительно на присвоеніи извѣстной доли продукта труда земледѣльческихъ рабочихъ, занятыхъ обработкой земли въ этихъ имѣніяхъ, капиталистъ и заключалъ арендный контрактъ съ землевладѣльцемъ. И очевидно, при этой сдѣлкѣ, землевладѣлецъ, избавляясь отъ хлопотъ и риска по веденію хозяйства, соглашался на арендную плату, значительно меньшую по своей суммѣ того дохода, который онъ получалъ съ имѣнія, занимаясь самостоятельно хозяйствомъ, капиталистъ-же, съ своей стороны, взвѣшивая всѣ обстоятельства и надѣясь, можетъ быть, на улучшеніе хозяйства, соглашался на удержаніе въ свою пользу той части изъ дохода имѣнія, которая была-бы во всякомъ случаѣ достаточна для полученія *средней прибыли* на капиталъ предполагавшійся къ затратѣ на веденіе хозяйства. Такимъ именно образомъ происходилъ въ дѣйствительности раздѣлъ *реальнаго дохода* землевладѣльца, источникомъ котораго являлся трудъ земледѣльческихъ рабочихъ, и изъ этого дохода одна часть образовала ренту, а другая отошла въ прибыль на капиталъ. Общій-же валовой доходъ съ имѣнія, за исключеніемъ изъ него суммы израсходованнаго постояннаго капитала, *дѣлился на три части: заработную плату, прибыль и ренту.*

До сихъ поръ мы видимъ наглядно, что рента, какъ и при натуральномъ хозяйствѣ, такъ и при

---

[1]) Мы говоримъ о капиталистахъ-арендаторахъ, а не о капиталистахъ-собственникахъ только для простоты и ясности, чтобы болѣе рѣзко отдѣлить вопросы, касающіеся прибыли и ренты.

водвореніи капитализма, образуется изъ прибавочнаго продукта, создаваемаго трудомъ земледѣльческихъ рабочихъ.

Какъ же дѣло идетъ дальше, по мѣрѣ развитія капитализма въ сельско-хозяйственномъ производствѣ? Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе интересенъ, что факты намъ говорятъ, что рента землевладѣльцевъ постоянно возрастаетъ, и приходится установить точно, откуда же, при капитализмѣ, берутся для этого средства? Здѣсь-то и является соблазнъ—объяснить возрастаніе поземельной ренты за счетъ повышенія цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, сверхъ ихъ дѣйствительной стоимости.

Капиталъ совершенно преобразуетъ патріархальное хозяйство помѣщичьихъ имѣній. Онъ является въ имѣнія, какъ на фабрики и заводы, съ машинами, техникой и разными другими изобрѣтеніями: химическими удобреніями, плодосмѣнной системой и пр. и пр.; все это, въ совокупности, имѣетъ цѣлью увеличить производительность труда и тѣмъ самымъ поднять доходность имѣній, взятыхъ въ аренду.

Но какъ извѣстно изъ фактовъ, касающихся фабрично-заводской промышленности, рабочіе очень мало выигрываютъ отъ увеличенія производительности ихъ труда; особенно рѣзко сказывается это въ сельско-хозяйственной промышленности. Здѣсь, въ деревнѣ, уровень потребностей, обыкновенно весьма туго развивается: пища, одежда, жилища и пр. значительно хуже, чѣмъ у городскихъ рабочихъ; въ виду этого, въ сельско-хозяйственной промышленности выгода отъ увеличенія производительности труда рабочихъ, насколько она не парализуется пониженіемъ цѣнъ на продукты, соотвѣтственно уменьшенію ихъ стоимости, что требуетъ извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго времени,—эта выгода повышаетъ прибыль на сельско-хозяйственный капиталъ, и послѣдняя становится значительно выше средней обычной нормы.

Этимъ обстоятельствомъ и пользуются собственники земли для повышенія получаемой ими ренты, при заключеніи новыхъ арендныхъ контрактовъ. Разъ прибыль на капиталъ сильно повысилась, тотчасъ начинается конкуренція между капиталистами, борьба изъ-за захвата въ свои руки выгоднаго предпріятія, въ данномъ случаѣ земли, приносящей большую прибыль.

И, подъ вліяніемъ этого, а отчасти и тѣхъ убытковъ, которые можетъ понести арендаторъ отъ ликвидаціи своего устроеннаго хозяйства, этотъ послѣдній всегда соглашается часть своей прибыли превратить въ ренту, и такимъ образомъ послѣдняя имѣетъ возможность возрастать за счетъ прибавочной стоимости, создаваемой трудомъ земледѣльческихъ рабочихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ростъ земельной ренты совершается не путемъ повышенія цѣнъ на земледѣльческіе продукты въ несоразмѣрности съ ихъ стоимостью, а просто захватомъ части *прибыли* капитала, превышающей среднюю норму, подобно тому, какъ захватывается въ фабрично-заводской промышленности часть прибыли предпріятій съ небольшимъ постояннымъ капиталомъ въ пользу предпріятій съ большимъ постояннымъ капиталомъ. Въ этихъ механизмахъ, дѣйствующихъ въ двухъ различныхъ областяхъ производства, но одинаково предназначенныхъ для гарантіи средней прибыли на капиталъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду слѣдующихъ особенностей. Въ фабрично-заводской промышленности поставленная цѣль достигается повышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ на продукты разныхъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, въ зависимости отъ строенія ихъ капиталовъ; въ земледѣльческой-же промышленности средняя прибыль на капиталъ нормируется посредствомъ захвата собственниками земли части «прибавочной стоимости, создаваемой трудомъ земледѣльческихъ рабочихъ».

Такимъ образомъ, *въ фабрично-заводской промышленности*, благодаря тому, что *цѣны отдѣльныхъ отраслей производства назначаются выше или ниже ихъ стоимости*, доходность всѣхъ предпріятій становится болѣе или менѣе одинаковой. Въ *сельско-хозяйственной промышленности*, *наоборотъ*, *цѣны устанавливаются въ одинаковомъ размѣрѣ для продуктовъ различной стоимости*, по средней стоимости ихъ производства (напр., пудъ пшеницы съ плодородныхъ и менѣе плодородныхъ участковъ), и, въ виду этого, доходность имѣній различна. Въ первомъ случаѣ, *различіе цѣнъ*, въ смыслѣ несоотвѣтствія ихъ со стоимостью производства, *приводитъ къ уравненію доходности предпріятій*; во второмъ же случаѣ, *одинаковость цѣнъ* для продуктовъ различной стоимости *создаетъ различіе въ доходности имѣній*. Это послѣднее

обстоятельство только и можетъ служить основаніемъ для объясненія ренты, съ точки зрѣнія товарныхъ цѣнъ.

К. Марксъ, измѣнивъ своимъ основнымъ положеніямъ, а именно, что товары продаются, если принимать въ расчетъ не частности, а общее правило, по ихъ стоимостямъ и что прибавочная стоимость служитъ единственнымъ источникомъ доходовъ, получаемыхъ лицами, не участвующими въ производствѣ товаровъ,—совершенно неправильно объясняетъ сущность экономическихъ явленій въ области сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ происхожденіе и ростъ ренты.

V.

Общепринятая теорія ренты оказывается такимъ образомъ неудовлетворительной съ научной точки зрѣнія, и намъ приходится, поэтому, отказаться отъ нея и, затѣмъ попытаться найти новый методъ для уясненія происхожденія и значенія такого важнаго экономическаго фактора, какимъ является поземельная рента въ рамкахъ современнаго народнаго хозяйства.

Приступая къ этой работѣ, мы должны, прежде всего, положить въ ея основу непререкаемыя истины, представляющія собою альфу и омегу экономической науки. Онѣ, какъ вѣхи, предохранятъ насъ отъ уклоненія съ пути, который можно признать единственно строго научнымъ.

Первая и самая главная изъ нихъ гласитъ, что всѣ экономическія цѣнности создаются исключительно *трудомъ* самого человѣка; остальныя-же потребительныя цѣнности, которыми мы пользуемся безъ затраты труда, какъ, напримѣръ, воздухъ, свѣтъ и вода,—не входятъ въ разрядъ предметовъ имѣющихъ экономическое значеніе, въ смыслѣ рыночныхъ товаровъ. Правда, вода иногда продается и покупается, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется извѣстный трудъ для доставки ея на мѣсто потребленія.

Земля, какъ предметъ созданный природой, а не трудомъ человѣка, не является исключеніемъ изъ этого общаго научнаго положенія, т.-е. говоря иначе, она не обладаетъ сама по себѣ никакою экономическою цѣнностью. По теоріи, человѣкъ можетъ пользоваться землею, какъ воздухомъ и водою, для созданія раз-

ныхъ рыночныхъ цѣнностей и, слѣдовательно, съ научной точки зрѣнія, такое пользованіе даровыми силами природы не можетъ подлежать оплатѣ, а сама земля составлять собственность тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ личностей.

Затѣмъ, тотъ фактъ, что земля продается и покупается, какъ заправскій товаръ, созданный яко-бы трудами человѣка, и является, въ силу этого, собственностью разныхъ частныхъ и юридическихъ лицъ, представляетъ собою просто аномалію въ области экономическихъ отношеній, въ такой-же мѣрѣ, какъ при крѣпостномъ правѣ превращеніе крестьянъ въ собственность помѣщиковъ. Ихъ покупали и продавали, какъ домашній скотъ, но истинная наука никогда не могла санкціонировать подобныя юридическія сдѣлки, въ качествѣ закономѣрныхъ, и рабство было отмѣнено, какъ порожденіе насилія, невѣжества и произвола. Не трудно понять, что собственность на землю могла возникнуть только на почвѣ рабства, и составляетъ такимъ образомъ въ современныхъ государствахъ наслѣдіе старыхъ, отжившихъ феодальныхъ и крѣпостныхъ порядковъ. Какъ самое грубое и варварское средство, придуманное для эксплуатаціи народа и его труда, собственность на землю должна быть уничтожена, тѣмъ болѣе, что она является самой опасной, въ томъ смыслѣ, что даетъ возможность прикрывать фактъ эксплуатаціи труда теоріями, заставляющими думать, что рента[1]), въ ея чистомъ видѣ, не составляетъ результата непосредственнаго присвоенія продуктовъ труда рабочихъ, занятыхъ въ области сельско-хозяйственной промышленности,—эксплуатаціи, противъ которой эти рабочіе могли-бы протестовать во имя справедливости. Нѣтъ, по ученію Д. Рикардо и К. Маркса, рента получается землевладѣльцами не съ этихъ рабочихъ, а съ *потребителей* земледѣльческихъ продуктовъ вообще; слѣдовательно, земледѣльческій классъ, какъ таковой, не можетъ жаловаться на уменьшеніе его заработка путемъ ренты.

[1]) Относительно такъ называемой „продовольственной аренды“ никто не сомнѣвается, что она составляетъ присвоеніе продуктовъ труда земледѣльческихъ рабочихъ; слѣдовательно, о ростѣ ренты въ этомъ случаѣ намъ и не приходится здѣсь упоминать; въ текстѣ говорится исключительно о рентѣ капиталистической.

Кромѣ того, въ виду неуничтожимаго природнаго различія между отдѣльными участками земли, въ отношеніи ихъ плодородія, и занимаемаго ими положенія, по отношенію къ центрамъ сбыта продуктовъ, и другихъ конъюнктуръ,—самое существованіе ренты, по господствующему мнѣнію, представляется *неизбѣжнымъ*, а взиманіе ея съ арендаторовъ земельныхъ участковъ—*справедливой компенсаціей за пользованіе лучшими участками*, болѣе плодородными и выгодными. При этомъ, защитники ренты не отрицаютъ, что можно возмущаться и находить несправедливымъ взиманіе ренты собственниками земли, ибо они пользуются ею не только не затрачивая своего труда, но и не несутъ на своихъ плечахъ тяжести заботъ и коммерческаго риска, съ которыми сопряжено веденіе всякаго самостоятельнаго хозяйства, какъ въ сельской, такъ и въ крупной фабрично-заводской промышленности. Намъ остается къ этому прибавить, что полученіе ренты землевладѣльцами нельзя оправдать и съ чисто буржуазной точки зрѣнія, въ силу которой предполагается, что существуютъ только *двѣ творческія экономическія силы*: капиталъ и трудъ, представители которыхъ—капиталистъ и рабочій—и должны-бы дѣлить между собою весь годовой продуктъ труда, за исключеніемъ той части его, которая отчисляется на покрытіе общихъ государственныхъ и общественныхъ расходовъ. Землевладѣльцы, какъ трутни, нарушаютъ гармонію капиталистическаго производства; они выхватываютъ изъ рукъ производительныхъ классовъ часть прибавочной стоимости, въ формѣ ренты, огромную долю національнаго богатства, постоянно возрастающую въ своихъ размѣрахъ. Настоящіе буржуа, негодуя на такое положеніе, называютъ землевладѣльцевъ, живущихъ за счетъ ренты, пиратами и разбойниками, а самую ренту окрестили именемъ «*незаслуженной цѣнности*». Особенно ненавидятъ землевладѣльцевъ англійскіе фермеры за ихъ притѣсненія. Лэндлорды отдаютъ имъ свои земли на краткій срокъ, и всякій разъ, когда фермеры затрачиваютъ капиталъ на улучшеніе арендованной земли, увеличивая этимъ ея доходность, новые контракты повышаютъ арендную плату. Тутъ уже, рядомъ съ обычнымъ расхищеніемъ землевладѣльцами «прибавочной стоимости» капиталистическаго производства, фермеры усматриваютъ поку-

шеніе на захватъ и грабежъ капитала. Наконецъ, у насъ землевладѣльцы не стѣсняются присваивать, въ формѣ продовольственной аренды, у голодныхъ крестьянъ значительную долю обычной заработной платы.

Изъ сказаннаго ясно, что собственность на землю и ея спутница—рента, какъ аномали, унаслѣдованныя отъ временъ рабства и крѣпостничества, должны быть уничтожены, не только въ интересахъ трудящихся классовъ, но и съ точки зрѣнія господствующаго капиталистическаго міровоззрѣнія, какъ институтъ, мѣшающій развитію производительныхъ силъ труда и капитала.

Къ сожалѣнію, однако, всѣ попытки къ уничтоженію частной земельной собственности разбиваются о скалу предразсудковъ, выработанныхъ вѣками и особенно прочно свившихъ себѣ гнѣздо въ экономической наукѣ. Теорія Рикардо, гипнотизируя своей простотой и логичностью, заставляетъ думать, что уничтожить основаніе, на которомъ покоится земельная собственность, т.-е ренту, фактически невозможно безъ полнаго разрушенія капитализма и установленія, взамѣнъ его, соціалистическаго строя Это мнѣніе прочно установилось въ рядахъ соціалъ-демократическихъ партій и является, вмѣстѣ съ тѣмъ, пугаломъ въ глазахъ капиталистовъ. Кромѣ того, буржуа боится поколебать въ массахъ убѣжденіе, что собственность на землю, какъ и всякая другая, священна и неприкосновенна, болѣе или менѣе правильно разсуждая, что уничтоженіе земельной собственности будетъ стимуломъ для выработки критическаго отношенія къ принципу собственности вообще, и что народная масса, ниспровергая институтъ собственности на землю, можетъ, рядомъ съ этимъ, протестовать и противъ присвоенія въ собственность чисто капиталистическихъ средствъ и орудій производства, т.-е. предъявитъ требованіе широкихъ соціалистическихъ реформъ. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ капиталистовъ до извѣстной степени мириться съ фактомъ существованія собственности на землю, а слѣдовательно и съ ненавистной для нихъ поземельной рентой, отнимающей у капиталистическаго хозяйства значительную часть производимыхъ стоимостей. И поэтому, въ томъ случаѣ, когда буржуазнымъ правительствамъ приходится, поневолѣ, прибѣгать къ экспропріаціи имѣній крупныхъ

землевладѣльцевъ въ пользу трудящихся классовъ, земля передается не въ ихъ общественное пользованіе, а распредѣляется между ними на правахъ частной собственности, какъ это, напр., происходитъ въ настоящее время въ Ирландіи.

Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ отмѣтить, что даже буржуазная наука, въ лицѣ Дж. Ст. Милля, Спенсера, Лавелэ и др., настолько поколебала «святость» частной собственности на землю, что уже явилась мысль о возможности экспропріаціи и превращенія ея въ государственную собственность, т.-е. передачи поземельной ренты въ пользу государства. Этотъ проектъ энергично защищалъ Генри Джорджъ, пользующійся и до сихъ поръ большою популярностью какъ въ широкихъ массахъ трудящагося населенія, такъ и въ буржуазныхъ классахъ, особенно фермеровъ, не исключая, впрочемъ, и землевладѣльцевъ; послѣднимъ эта мысль приходилась по сердцу всякій разъ, когда, вслѣдствіе кризиса, рента понижалась и собственникамъ было выгодно продать свою землю государству за хорошую цѣну. Проектъ о націонализаціи земли, при условіи выкупа послѣдней государствомъ, сулилъ много благъ и былъ въ самомъ дѣлѣ, не менѣе увлекателенъ, чѣмъ въ свое время казались планы Джона Ло: и тотъ, и другой обѣщали, при помощи бумажныхъ операцій, облагодѣтельствовать сразу все человѣчество и устроить на землѣ чуть-ли не условія для райскаго житья. И главное, проектъ такой «націонализаціи» не потрясалъ «священныхъ основъ» принципа собственности на землю! Онъ предлагалъ лишь передать ее изъ однѣхъ рукъ въ другія, отъ частныхъ землевладѣльцевъ въ собственность государства, съ сохраненіемъ за послѣднимъ права на ренту. При широкомъ развитіи современнаго кредита, государство могло бы легко выкупить землю у частныхъ собственниковъ, выпуская въ обращеніе государственныя бумаги и уплачивая по нимъ проценты и погашеніе изъ суммъ, получаемыхъ съ арендаторовъ. Выгода же отъ перехода земель въ государственную собственность, при такихъ условіяхъ, выставлялась въ слѣдующемъ видѣ: 1) рента на земли, постоянно возрастая, дала бы возможность не только погасить государственный долгъ, заключенный для покупки этой земли, но, кромѣ того, мало-по-малу сосредоточила бы въ рукахъ правительства денежныя сред-

ства, достаточныя для покрытія значительной части государственныхъ расходовъ; 2) это, въ свою очередь, привело бы чуть ли не къ уничтоженію всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, взимаемыхъ въ настоящее время съ капиталистовъ и рабочихъ, и 3) всѣ рабочіе и капиталисты могли бы по своему желанію, арендовать у государства землю, и рабочіе освободились бы такимъ образомъ отъ необходимости, во что бы то ни стало, работать на фабрикахъ и заводахъ изъ-за нищенской платы, и часть ихъ сдѣлалась бы самостоятельными хозяевами.

Мы не будемъ касаться финансовыхъ соображеній проекта; это не входитъ въ нашу задачу. Замѣтимъ только, что онъ, между прочимъ, упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что ростъ ренты весьма часто, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, смѣняется рѣзкимъ ея паденіемъ, тогда какъ колоссальный ростъ государственныхъ расходовъ замѣчается повсюду и отличается очень постояннымъ характеромъ.

Проектъ націонализаціи земли пропитанъ насквозь *буржуазнымъ* духомъ. Охраняя собственность и только перемѣщая ее изъ однѣхъ рукъ въ другія, онъ оставляетъ въ неприкосновенности и ренту, и все то, что сопряжено съ ея существованіемъ, ничего не давая народу, никакихъ новыхъ благъ. Гдѣ найдетъ, въ самомъ дѣлѣ, пролетарій средства *для устройства хозяйства на арендованной землѣ и для уплаты ренты*, если онъ голъ, какъ соколъ, и влачитъ нищенское существованіе! Кромѣ того, всѣ защитники идеи Г. Джорджа предполагаютъ отдавать землю въ *аренду съ торговъ* и вообще получать возможно большій доходъ съ государственныхъ земель, чтобы, затѣмъ, уничтожить всѣ налоги. Не трудно предвидѣть, какими цѣпкими клещами должно было бы давить, при этомъ, правительство неисправнаго арендатора, чтобы достигнуть намѣченной цѣли. Въ виду этого, едва ли на «торги» могли бы явиться простые рабочіе, желающіе своими руками обрабатывать землю, и послѣдняя досталась бы исключительно фермерамъ, большимъ и маленькимъ капиталистамъ. Для нихъ, конечно, лучше имѣть дѣло съ государствомъ, чѣмъ съ землевладѣльцами, захватывающими, какъ мы говорили, въ свою пользу, при помощи краткосрочныхъ арендныхъ контрактовъ, прибыль, создаваемую капиталомъ на арендованной землѣ.

*

Весь проектъ Генри Джорджа, если выкинуть изъ него красивыя слова, клонится въ сторону выгодъ капитала. Однако, мы вовсе не думаемъ обвинять Г. Джорджа; онъ хотѣлъ, безъ сомнѣнія, блага трудящимся классамъ, но теорія Рикардо встала поперекъ дороги и заставила его говорить вовсе не то, что слѣдовало въ ихъ интересахъ.

Болѣе радикальными тенденціями отличается проектъ національзаціи земли, выставляемой на знамени соціалистовъ, такъ какъ онъ вытекаетъ исключительно изъ намѣренія уничтожить въ корнѣ эксплуатацію трудящихся классовъ, замѣнивъ капиталистическій строй—соціалистическимъ. Такъ, К. Марксъ полагаетъ, что въ моментъ, когда наступитъ соціальный переворотъ, необходимо экспропріировать частную собственность и передать ее въ пользованіе трудящихся классовъ, примѣнивъ къ обработкѣ земли коллективный трудъ, при помощи, какъ онъ выражается, арміи рабочихъ. Придерживаясь, слѣдовательно, чисто коммунистическихъ воззрѣній, К. Марксъ тѣмъ не менѣе считаетъ, что поземельная рента должна сохраниться и въ соціалистическихъ государствахъ, поступая въ ихъ распоряженіе на покрытіе государственныхъ расходовъ. Точно такого-же мнѣнія придерживается и извѣстный его ученикъ, Каутскій, и вообще соціалъ-демократы. Они, впрочемъ, не придаютъ, въ настоящее время, практическаго значенія вопросу о національзаціи земли, въ виду того, что считаютъ осуществленіе подобнаго плана въ данный моментъ, при господствѣ капиталистическаго строя, абсурдной мѣрой, противорѣчащей ихъ общимъ взглядамъ на ходъ историческаго процесса, по законамъ котораго, въ настоящее время слѣдуетъ желать *пролетаризаціи* крестьянской массы и развитія крупнаго сельскохозяйственнаго капиталистическаго производства, а вовсе не уничтоженія частной собственности на землю и передачи ея государствомъ на арендныхъ началахъ въ пользованіе мелкаго крестьянскаго хозяйства. Рядомъ съ этимъ, они возстаютъ противъ немедленной національзаціи земли еще и потому, что боятся дать въ руки буржуазнаго правительства, каковымъ оно останется до полнаго уничтоженія капиталистическаго строя,—власть распоряженія арендной платой, пользуясь которой, это правительство можетъ держать народныя массы въ своемъ повиновеніи и противодѣй-

ствовать этимъ развитію соціальнаго прогресса. Наши соціалъ-демократы, вынужденные обстоятельствами признать, вопреки своему міросозерцанію, необходимость экспропріаціи и передачи всей земли теперь-же въ пользованіе народа, энергично хлопочутъ объ одномъ, чтобы она передана была ему на правахъ *частной собственности*. Они надѣются, что такая мѣра приведетъ, въ концѣ концовъ, къ пролетаризаціи значительной части крестьянъ, къ той излюбленной дифференціаціи, которая подѣлитъ ихъ, съ одной стороны, на кулаковъ и міроѣдовъ, захватившихъ въ свои руки собственность земли, а съ другой—на батраковъ.

Позиція, занятая соціалъ-демократами въ аграрной политикѣ, представляется вполнѣ логичной, съ ихъ точки зрѣнія; она прочно спаяна съ ихъ основными предпосылками. Кто вѣритъ, что для торжества соціализма необходима предварительная пролетаризація всѣхъ трудящихся классовъ населенія, въ томъ числѣ и земледѣльцевъ, тотъ долженъ быть противникомъ и уничтоженія частной собственности на землю въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ исходитъ изъ иныхъ воззрѣній. Она ставитъ во главѣ угла своего міропониманія, вмѣсто стихійнаго двигателя общечеловѣческаго прогресса, пресловутаго «экономическаго фактора»,—цѣлокупную личность самого человѣка, съ его многообразными духовными и матеріальными потребностями, личность, идеалы которой могутъ связать ее съ другими личностями въ общемъ потокѣ прогресса, направленнаго къ осуществленію царства идей, т.-е. высшаго духовнаго наслажденія.

Общая борьба за идеалы выдвигаетъ, въ настоящую историческую эпоху, на первый планъ уничтоженіе экономической эксплуатаціи трудящихся классовъ населенія, подъ давленіемъ которой эти классы лишаются самаго цѣннаго права—свободнаго развитія ихъ индивидуальныхъ духовныхъ силъ и объединенія ихъ въ одно общественно-прогрессивное движеніе.

При такихъ взглядахъ, схема соціалъ-демократовъ, требующая пролетаризаціи трудового земледѣльческаго населенія, превращенія его въ классъ наемныхъ батраковъ, не можетъ быть признана правильной. Если прежде прогрессъ совершался бокъ-о-бокъ съ господствомъ экономическаго и политическаго рабства, то

изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и теперь онъ долженъ двигаться тѣмъ-же путемъ познанія изъ опыта жизни всѣхъ ужасовъ голода, униженій, насилія, невѣжества и бѣдности. Народъ хочетъ, наконецъ, самъ творить свою исторію, положивъ въ ея основу нравственный принципъ, съ которымъ несовмѣстима, между прочимъ, и экономическая эксплуатація. Онъ ищетъ царства разума и справедливости и хорошо понялъ, что можетъ достигнуть этого посредствомъ усвоенія широкихъ общечеловѣческихъ идей въ храмахъ науки и знаній, не отдавая себя для «предварительной» выучки въ тиски произвола и бѣдности пролетарской жизни. И партія соціалистовъ-революціонеровъ, идя навстрѣчу пробудившемуся отъ спячки народу, выставила на своемъ знамени не «пролетаризацію крестьянъ», во благо цивилизаціи, а народный лозунгъ «Земля и Воля», во имя котораго и провозглашаетъ необходимость немедленной соціализаціи земли, въ томъ смыслѣ, что всѣ земли, кому бы онѣ ни принадлежали въ настоящее время, должны поступить въ *уравнительное пользованіе* всѣхъ трудящихся классовъ населенія.

Раздѣляя вполнѣ основные принципы соціалистовъ-революціонеровъ, мы не скрываемъ отъ себя тѣхъ трудностей, которыя могутъ возникнуть на практикѣ при осуществленіи проекта о соціализаціи земли.

Для этого, прежде всего, необходимо точно установить, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ *соціализаціи земли* и чѣмъ именно она отличается отъ націонализаціи. Намъ приходится по этому поводу высказать свои чисто личные взгляды, вполнѣ свободные отъ партійности.

Въ томъ видѣ, какъ мы понимаемъ поставленный вопросъ, соціализація земли должна вполнѣ осуществить идеалъ, присущій міросозерцанію русскаго народа и выражающійся въ словахъ: «земля Божья, ничья». Это значитъ, что земля, какъ воздухъ и солнечные лучи, не можетъ быть собственностью не только частныхъ лицъ, но и юридическихъ, какими являются государство, община, трудовыя товарищества и разныя другія ассоціаціи и кооперація. Нѣтъ, она должна поступить не въ собственность, а въ общее и *безплатное* пользованіе всѣхъ, безъ различія, трудящихся классовъ населенія, живущихъ земледѣль-

ческимъ трудомъ. Роль государства и другихъ общественныхъ организацій должна, въ этомъ отношеніи, заключаться лишь въ установленіи и организаціи *уравнительнаго* распредѣленія земель между отдѣльными коммунами или отдѣльными хозяевами, въ зависимости отъ того, какой типъ обработки земли будетъ принятъ въ той или другой мѣстности, на коллективныхъ или на индивидуалистическихъ началахъ.

Противъ такой постановки вопроса соціалъ-демократы должны возразить, что терминъ «соціализація» не наученъ, что рента, какъ фактъ, вытекающій изъ природныхъ и общественныхъ условій производства, не можетъ быть уничтожена, что существованіе ренты, при капиталистическомъ производствѣ, обусловливается господствомъ *товарныхъ цѣнъ*, при которомъ рента входитъ составнымъ элементомъ въ цѣны земледѣльческихъ продуктовъ, въ силу того, что хлѣбъ, полученный съ участковъ различнаго плодородія и находящихся въ неодинаковыхъ отношеніяхъ къ рынку, продается по одной цѣнѣ, несмотря на то, что ихъ стоимость различна; и что, принимая все это въ соображеніе, *уравнительное распредѣленіе земельныхъ участковъ между земледѣльцами невозможно безъ взиманія ренты* съ тѣхъ изъ нихъ, которымъ достанутся, при разверсткѣ, лучшіе участки земли.

Изъ сказаннаго вытекаетъ дилемма: или надо доказать возможность уничтоженія ренты, или-же сознаться, что соціализація земли, т.-е. уравнительное распредѣленіе земли, безъ взиманія за ея пользованіе справедливой арендной платы, въ размѣрахъ вполнѣ соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ реальнымъ условіямъ,—представляетъ собою идею, хотя и очень гуманную, но совершенно утопичную, непримѣнимую на практикѣ.

Находясь въ такомъ положеніи, намъ приходится, во избѣжаніе недоразумѣній, установить нашъ взглядъ на исторію происхожденія ренты. Въ тѣ отдаленныя эпохи, когда земледѣльцы могли безплатно и независимо обрабатывать землю, получая въ свою исключительную пользу весь продуктъ своего труда, тогда не было ни частной собственности на землю, ни ренты, какъ явленій не могущихъ существовать самостоятельно, безъ захвата кѣмъ-либо земельныхъ участковъ въ свое исключительное и самовластное пользованіе

и распоряженіе. Но одного факта захвата земли въ собственность еще недостаточно для возникновенія ренты. Если собственникъ не можетъ найти рабочихъ для обработки своей земли, то она будетъ лежать втунѣ и не дастъ, поэтому, никакого дохода и никакой ренты. Такимъ образомъ, для возникновенія поземельной ренты, требуется одновременно и установленіе права собственности на землю, и подневольный трудъ рабочихъ, въ формѣ или рабскаго, или крѣпостного, или-же, наконецъ, наемнаго. Такъ, напримѣръ, мы можемъ указать на Сибирь, гдѣ еще и до сихъ поръ почти не существуетъ поземельной ренты, благодаря тому, что тамъ не было крѣпостного права, а теперь крестьяне, владѣя на общинныхъ началахъ достаточнымъ количествомъ земли, не соглашаются работать по найму на чужихъ участкахъ, пожалованныхъ правительствомъ разнымъ чиновникамъ. Сибирь, это—страна, гдѣ нѣтъ, поэтому, ни частной собственности, на землю, ни поземельной ренты, въ размѣрахъ превышающихъ quantité négligeable [1]).

Но если захватъ земель въ собственность и подневольный трудъ составляютъ основной фундаментъ поземельной ренты, то значитъ въ образованіи ренты другіе элементы—различіе въ плодородіи земельныхъ участковъ и ихъ сравнительная выгодность, въ зависимости отъ чисто хозяйственныхъ условій,—играютъ какую-то второстепенную роль, т.-е. безъ наличія первыхъ, они, сами по себѣ, не могутъ творить ренты. Какое-же ихъ значеніе? Они служатъ только факторами, препятствующими уравнительному распредѣленію между отдѣльными землевладѣльцами выгоды отъ эксплуатаціи подневольнаго труда, затрачиваемаго на обработку всей площади земли, находящейся въ рукахъ частныхъ собственниковъ. Объедините всѣ эти земли въ одну общую ихъ собственность на союзныхъ началахъ и предоставьте имъ одинаковое участіе въ доходахъ съ этихъ земель, хотя-бы пропорціонально количеству десятинъ принадлежащихъ каждому изъ нихъ, и въ такомъ случаѣ они будутъ получать доходъ въ видѣ прибыли, но отнюдь не ренты, по при-

---

[1]) См № 1 „Сибирскіе вопросы“ (періодическій сборникъ), 1905 г. статью Д. М Головачева—„Частное землевладѣніе въ Сибири“

нятой терминологіи. Такое «уравненіе» земли и по качеству, и по количеству практикуется крестьянами, посредствомъ объединенія ихъ въ общины, равномѣрнаго распредѣленія земли между ея членами и періодическихъ передѣловъ. Но оно немыслимо въ средѣ лицъ, живущихъ плодами чужого труда, такъ какъ инстинктъ эксплуатаціи находится въ полномъ противорѣчіи съ принципами равенства, братства и справедливости. Здѣсь еще въ полной мѣрѣ господствуетъ убѣжденіе, что надо жить, руководствуясь мудрымъ изреченіемъ—homo homini lupus est.

Изъ предыдущаго представляется совершенно яснымъ, что «существованіе ренты» находится въ зависимости отъ трехъ главныхъ условій: 1) права собственности на землю, 2) возможности эксплуатировать трудъ рабочихъ на землевладѣльческихъ участкахъ и 3) неравномѣрности распредѣленія между землевладѣльцами общей суммы дохода, получаемаго отъ эксплуатаціи рабочихъ, занятыхъ обработкой всей площади землевладѣльческой земли.

Экономическая наука должна ставить цѣлью своихъ изслѣдованій изученіе вопросовъ общественнаго характера, имѣющихъ въ виду обнаруженіе механики тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ организуется, при разныхъ историческихъ обстоятельствахъ, эксплуатація трудящейся массы населенія привилегированными классами, живущими за счетъ народнаго труда, а также изысканіе средствъ для уничтоженія этой эксплуатаціи. Такая наука создается трудами соціалистовъ и находится въ непримиримой враждѣ съ идеями экономистовъ буржуазныхъ школъ, разсматривающихъ всѣ экономическіе вопросы съ точки зрѣнія интересовъ имущихъ классовъ. Для этихъ послѣднихъ экономистовъ весьма важно было создать и ученіе о рентѣ въ духѣ буржуазнаго міросозерцанія. Эту задачу блистательно выполнилъ Д. Рикардо. Онъ перенесъ наше вниманіе съ основныхъ двухъ факторовъ, обусловливающихъ существованіе ренты, на третій изъ выше перечисленныхъ, именно на тотъ, который возникаетъ уже послѣ образованія «землевладѣльческаго дохода» и поэтому, имѣетъ второстепенное общественное значеніе, такъ какъ касается только частнаго *вопроса о распредѣленіи между отдѣльными землевладѣльцами названнаго дохода*. Какъ убивается

медвѣдь, объ этомъ Рикардо скромно умалчиваетъ, но зато мастерски доказываетъ, что шкура его дѣлится, въ силу необходимости, неравными частями между участниками охоты.

И такъ, землевладѣльцы получаютъ неодинаковый доходъ съ своихъ земельныхъ участковъ; но, спрашивается, какое же дѣло до этого народу, не проливать же ему слезъ изъ жалости къ нимъ! Народъ долженъ думать не объ этомъ, а объ уничтоженіи самаго факта возможности эксплуатировать его трудъ гг. землевладѣльцами, и понять, что это вполнѣ возможно сдѣлать, если частная собственность на землю будетъ аннулирована и послѣдняя будетъ передана въ исключительное и уравнительное пользованіе самого народа.

Но совсѣмъ иначе разсуждаетъ Д. Рикардо, игнорируя, въ своемъ ученіи о рентѣ, интересы рабочихъ; онъ цѣпко хватается за то, что является результатомъ уже существующей системы эксплуатаціи труда, и выдвигаетъ передъ нами «ренту», въ качествѣ самостоятельнаго явленія, независимо отъ этой эксплуатаціи, и, затѣмъ, доказываетъ, что избавиться отъ ренты также невозможно, какъ передѣлать природу. Для того, чтобы еще разъ напомнить, какъ онъ жонглируетъ аргументами, остановимъ наше вниманіе на слѣдующихъ пріемахъ его разсужденій. Внушивъ намъ мысль, что земля является ограниченнымъ благомъ природы, цѣнность на которую устанавливается вслѣдствіе того, что, по мѣрѣ возрастанія населенія, въ ней оказывается недостатокъ, и нарисовавъ намъ картину существующаго разнообразія въ природныхъ качествахъ земли, Рикардо прямо приступаетъ, послѣ этого, къ математическимъ формуламъ яко-бы открывающимъ «тайну» происхожденія ренты. Представьте себѣ,—говоритъ онъ,— два равныхъ участка, въ смыслѣ геометрическомъ, съ которыхъ, при равныхъ затратахъ труда и капитала, съ одного получается, положимъ, 1.000 пуд., а съ другого 1.500 пуд. пшеницы; на второмъ изъ этихъ участковъ окажется излишекъ зерна въ 500 пуд.; онъ-то именно и образуетъ собою фундаментъ ренты. и никакая сила не можетъ уничтожить какъ самаго различія въ плодородіи названныхъ участковъ, такъ и ренты, являющейся результатомъ этой игры природы. Далѣе онъ поясъ-

няетъ, что рента, находясь въ зависимости отъ природныхъ условій и другихъ факторовъ-экономическихъ, ни въ какомъ отношеніи не затрагиваетъ интересовъ рабочихъ и капиталистовъ сельскохозяйственной промышленности. И на томъ и на другомъ участкѣ, на лучшемъ и на худшемъ, рабочіе получаютъ одинаковую заработную плату, а капиталисты одинаковую прибыль на свой капиталъ, все то, что имъ слѣдуетъ по законамъ экономической науки капитализма; словомъ, и овцы цѣлы, и волки сыты, рента же сама по себѣ. Но невольно навязывается вопросъ: откуда же берется рента? Не съ неба же падаетъ! На это имѣется положительный отвѣтъ: ренту уплачиваютъ «потребители» въ «цѣнѣ» продуктовъ земледѣлія. Покупая зерно у землевладѣльцевъ, покупатель оплачиваетъ не только стоимость его производства, но еще плюсъ ренту. Это, конечно, противорѣчитъ общепринятой теоріи трудовой стоимости товаровъ, но для поддержанія теоріи ренты эта аномалія необходима, и съ ней охотно примиряются, не требуя фактическихъ доказательствъ. Въ нихъ, впрочемъ, въ этихъ доказательствахъ, и не нуждается Д. Рикардо, такъ какъ, принявъ основныя положенія его теоріи, нельзя не согласиться и съ выводами, которые изъ нея дѣлаются, по правиламъ логики, въ томъ числѣ и съ его гипотезой о роли товарныхъ цѣнъ въ оплатѣ землевладѣльцамъ поземельной ренты. Въ самомъ дѣлѣ, возвращаясь къ приведенному выше примѣру, мы должны признать, что покупатель и на первомъ и на второмъ участкѣ предложитъ *за пудъ пшеницы* одну и ту же цѣну, положимъ 1 р., такъ какъ ему нуженъ только товаръ извѣстнаго качества, а затѣмъ нѣтъ никакого дѣла до того, что въ данномъ случаѣ на производство одного пуда пшеницы на первомъ участкѣ, менѣе плодородномъ, затрачено больше, а на второмъ, болѣе плодородномъ, меньше труда и капитала. Въ виду этого, съ перваго участка будетъ получено валового дохода 1.000 р., а со второго 1.500 р., несмотря на то, что *на обработку* и той и другой земли затрачены капиталъ и трудъ въ одинаковомъ количествѣ. Такимъ образомъ, Рикардо, на основаніи подобныхъ примѣровъ, заставляетъ предполагать, что рента получается съ потребителей сельскохозяйственныхъ продуктовъ, въ виду того, что пшеница болѣе

плодородныхъ участковъ, которые, по гипотезѣ, и составляютъ *главную площадь* обрабатываемой земли, продается по цѣнамъ значительно превышающимъ ея стоимость. Иначе, вѣдь, пшеница второго участка, въ количествѣ 1.500 пуд., была бы продана за 1.000 р., ибо производство ея стоитъ столько же труда, сколько и 1.000 пуд. на первомъ участкѣ.

Теорію Рикардо, по стройности и логичности, нельзя не признать замѣчательной. Но ея достоинство падаетъ, какъ только мы рѣшаемся основательно изслѣдовать ея фундаментъ. Прежде всего, совершенно неправъ Д. Рикардо, утверждая, что рента представляетъ собою явленіе самостоятельное, вполнѣ независимое отъ участія труда и капитала въ обработкѣ землевладѣльческихъ участковъ, такъ какъ безъ нихъ не было бы и никакого дохода съ земель, а слѣдовательно, и ренты, потому что послѣдняя составляетъ лишь извѣстную долю этого дохода. Далѣе, какъ мы выяснили выше въ главѣ IV, единственнымъ источникомъ ренты и прибыли въ сельскохозяйственной промышленности является прибавочная стоимость, создаваемая трудомъ земледѣльческихъ рабочихъ. И если, затѣмъ, въ виду природнаго и экономическаго различія между отдѣльными участками земли, доходность ихъ неодинакова и, вслѣдствіе этого, на нѣкоторыхъ участкахъ, при затратѣ капитала, выручается только обыкновенная прибыль и ничего не остается въ пользу ренты, а на другихъ участкахъ, кромѣ прибыли, оказывается возможнымъ отчислять въ ренту болѣе или менѣе значительныя суммы, въ зависимости отъ различныхъ причинъ, то это происходитъ *главнымъ образомъ* отъ разности въ *производительности* труда земледѣльческихъ рабочихъ. Въ той же главѣ IV мы пояснили роль капитала въ этомъ отношеніи; такое же значеніе имѣютъ и природныя свойства земли, они повышаютъ производительность труда земледѣльческихъ рабочихъ, не улучшая ихъ собственнаго положенія и оставляя, слѣдовательно, всѣ выгоды отъ этого въ пользу собственниковъ земли. На доходность имѣній имѣютъ также вліяніе и многія другія обстоятельства, не менѣе важныя. При значительномъ разстояніи отъ рынка и плохихъ путяхъ сообщенія, приходится затрачивать много труда на доставку продуктовъ въ мѣста ихъ сбыта или иначе

производить большіе расходы на транспортъ, и эти расходы уменьшаютъ доходность съ земли, и, конечно, обратно: при дешевизнѣ транспорта сокращаются расходы, подлежащіе вычету изъ общей суммы валового дохода. Что же въ данномъ случаѣ происходитъ? Опровергаетъ ли это обстоятельство наше утвержденіе, что рента выплачивается изъ прибавочной стоимости земледѣльческихъ рабочихъ? Отнюдь нѣтъ. Если мы признали уже, что земледѣльческіе продукты создаются трудами земледѣльческихъ рабочихъ, а прибавочная стоимость этихъ рабочихъ является источникомъ ренты и прибыли, то само собою разумѣется, что расходы на транспортъ могутъ только вліять на сокращеніе суммы, которая выручается отъ реализаціи «прибавочной стоимости» и предназначается на выплату прибыли и ренты, при чемъ иногда этотъ вычетъ такъ великъ, что совсѣмъ поглощаетъ ренту. Наконецъ, это не противорѣчитъ и тому положенію, что земледѣльческіе продукты продаются по ихъ стоимости. Въ данномъ случаѣ, можно утверждать одно, что къ стоимости, создаваемой трудомъ земледѣльческихъ рабочихъ, присоединяется стоимость, создаваемая трудомъ рабочихъ, занятыхъ транспортомъ земледѣльческихъ продуктовъ.

Все это просто и понятно, и никакъ нельзя опровергнуть приведенные нами доводы въ защиту того, что рента, какъ и прибыль, образуется путемъ непосредственной эксплуатаціи труда земледѣльческихъ рабочихъ, и что продукты сельскаго хозяйства, какъ и всѣ прочіе товары, продаются, если принимать въ разсчетъ общую сумму, выручаемую отъ продажи ихъ всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ, по ихъ дѣйствительной стоимости, безъ надбавки къ ихъ нормальной цѣнѣ суммы, выплачиваемой землевладѣльцамъ, въ формѣ ренты. Относительно послѣдняго пункта мы уже говорили, что на разныхъ участкахъ земли, вслѣдствіе различія производительности труда рабочихъ, все равно въ зависимости-ли отъ плодородія земли или отъ введенія въ хозяйство болѣе совершенныхъ орудій труда: плуговъ, сѣялокъ, молотилокъ и пр., стоимость сельскохозяйственныхъ продуктовъ, напр., пшеницы, неодинакова на разныхъ участкахъ, а тѣмъ не менѣе цѣна ея на рынкѣ одна и та же. Въ дополненіе, отмѣтимъ, что это явленіе нисколько не подрываетъ защищаемаго

нами положенія о соотвѣтствіи цѣнъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ съ ихъ стоимостью; это только показываетъ, что они продаются не по индивидуальной ихъ стоимости, а по *средней* стоимости ихъ производства. Подобный фактъ существуетъ и въ области фабрично-заводской промышленности. Разница только въ томъ, что средняя цѣна въ фабрично-заводской промышленности, подъ именемъ производственныхъ цѣнъ, обусловливается различіемъ въ строеніи капиталовъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, а въ земледѣльческой—различіемъ производительности труда на отдѣльныхъ земельныхъ участкахъ. Но и тамъ, и тутъ среднія цѣны приводятъ не къ разрушенію системы продажи товаровъ соотвѣтственно ихъ стоимости, а къ согласованію ея съ основной тенденціей капитализма, сущность которой сводится къ обезпеченію опредѣленнаго дохода на капиталъ, въ размѣрѣ не ниже обычной средней прибыли. Въ области сельскаго хозяйства эта именно сложная система среднихъ цѣнъ и средней прибыли и обезпечиваетъ землевладѣльцамъ извѣстную долю въ прибавочной стоимости, создаваемой трудомъ сельскихъ рабочихъ. Въ доказательство того, что сельскохозяйственные продукты продаются по средней стоимости ихъ производства, съ нѣкоторыми, конечно, уклоненіями отъ этой нормы, какъ, напр., въ случаяхъ перепроизводства того или другого продукта, достаточно указать на тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ урожайные годы цѣны на хлѣбъ падаютъ, а въ неурожайные, напротивъ, поднимаются. Это, безспорно, происходитъ оттого, что въ первомъ случаѣ средняя стоимость одного пуда зерна понижается, а во второмъ—повышается, т.-е. говоря иначе, при затратѣ одного и того же количества труда, въ урожайные годы вырабатывается больше пудовъ хлѣба съ десятины, чѣмъ въ неурожайные. Но если цѣна хлѣба въ урожайные и неурожайные годы зависитъ отъ стоимости его производства, то, значитъ, и въ годы среднихъ урожаевъ она опредѣляется не иначе, какъ тѣмъ же элементомъ.

Изложивъ общія понятія о рентѣ, намъ остается только вкратцѣ ихъ резюмировать и, затѣмъ, перейти уже прямо къ вопросу о соціализаціи земли.

Рента не является доходомъ, находящимся въ зависимости отъ какихъ-то *особыхъ* условій—природныхъ

и экономическихъ,—въ родѣ того, напр., что «земля является ограниченнымъ благомъ», что «возникновеніе собственности и цѣнъ на земли обусловливается увеличеніемъ населенія и ея недостаткомъ», что «рента составляетъ результатъ различія въ плодородіи земли» и пр., и пр., что «земледѣльческіе продукты продаются дороже ихъ стоимости», что «доходъ землевладѣльцевъ находится въ независимости отъ эксплуатаціи труда земледѣльческихъ рабочихъ» и что, наконецъ, «рента выплачивается землевладѣльцамъ изъ кармана потребителей продуктовъ сельскаго хозяйства, въ видѣ особой приплаты, независимой отъ стоимости этихъ продуктовъ».

Существованіе ренты на самомъ дѣлѣ объясняется гораздо проще. Въ основѣ ея лежитъ причина, порождающая вообще возможность одному классу населенія жить за счетъ другого, т. е. эксплуатація труда рабочихъ, въ данномъ случаѣ—земледѣльцевъ. Для созданія дохода, въ видѣ поземельной ренты, представляется безусловно необходимымъ захватъ въ собственность трутнями, живущими за счетъ чужого труда, такого количества земель, которое лишало бы возможности населеніе, занимающееся земледѣліемъ, пользоваться въ достаточномъ количествѣ землей для веденія своего самостоятельнаго хозяйства; въ этомъ случаѣ земледѣльческое населеніе вынуждено наниматься для обработки земель, захваченныхъ въ частную собственность, и своимъ трудомъ создавать «прибавочную стоимость», часть которой и превращается въ ренту. Ранѣе употреблялся еще болѣе грубый способъ для пріобрѣтенія рабочихъ: ихъ прямо превращали въ собственность, какъ рабочій скотъ. При капиталистическомъ способѣ производства, прибавочная стоимость въ сельскохозяйственной промышленности частью переходитъ въ руки капиталиста; остальная же ея часть, превышающая сумму, необходимую для образованія minimum'а средней обычной прибыли на капиталъ, остается въ собственности землевладѣльца и получается имъ въ формѣ ренты. Продукты земледѣлія продаются по средней ихъ стоимости.

VI.

Мы уже говорили о томъ, что рента, какъ наслѣдіе временъ рабства и крѣпостного права, не можетъ имѣть оправданія и съ точки зрѣнія капиталистическаго производства Только капиталъ и трудъ представляютъ творческіе элементы въ общемъ процессѣ этого производства и, поэтому, лишь ихъ представители—рабочій и капиталистъ—могутъ участвовать въ раздѣлѣ производимыхъ цѣнностей. Капиталистъ, присваивая часть продукта, создаваемаго рабочими фабрично-заводскаго производства, рядомъ съ этимъ, организуетъ производство, расширяетъ его, удешевляетъ предметы потребленія, содѣйствуетъ, хотя и невольно, развитію рабочаго класса, сознанію солидарности и общности его интересовъ, подготовляя такимъ образомъ въ будущемъ переходъ къ соціалистическому строю. Напротивъ, землевладѣльцы, получая ренту, заботятся только о томъ, какъ бы ее увеличить, не ударивши палецъ о палецъ, и въ процессѣ собиранія ренты не проявляютъ никакихъ качествъ, кромѣ тѣхъ, которыя свойственны паразитамъ. Они безполезно поглощаютъ то, что должно бы оставаться въ рукахъ народа, ослабляя этимъ самымъ и капитализмъ, для развитія котораго безусловно было бы выгоднѣе, если бы суммы, выплачиваемыя землевладѣльцамъ въ формѣ ренты, оставались въ карманѣ земледѣльцевъ, благосостояніе которыхъ, при этомъ, значительно повысилось бы и привело бы къ образованію обширнаго рынка внутри государства для сбыта продуктовъ фабрично-заводскаго производства.

Ренту можно совершенно уничтожить путемъ соціализаціи земли, т.-е. передачи ея въ пользованіе земледѣльческихъ рабочихъ, безъ взиманія за это какой бы то ни было *арендной платы* какъ въ пользу частныхъ лицъ, такъ и общественныхъ организацій, въ томъ числѣ и государства, по принципу — «земля Божья, ничья».

Рента несправедлива не только потому, что взимается съ народа безполезнымъ классомъ землевладѣльцевъ, получающихъ ее даромъ и расходующихъ ее непроизводительно; она несправедлива и по самому ея существу, какъ отжившая, самая грубая и самая вредная форма эксплуатаціи народнаго труда.

Рента, какъ мы выяснили, есть результатъ присвоенія собственниками земли продуктовъ труда земледѣльческихъ рабочихъ, захватъ, отличающійся отъ капиталистической прибыли тѣмъ, что рента стремится, не сдерживаясь никакими предѣлами, къ постоянному и безграничному увеличенію, посредствомъ присвоенія собственниками всѣхъ выгодъ отъ роста производительной силы труда рабочихъ. Въ фабрично-заводской промышленности капиталъ, благодаря конкуренціи, довольствуется извѣстной средней нормой прибыли; въ сельскохозяйственной же промышленности, хотя капиталъ и поставленъ въ тѣ же рамки, но отъ этого земледѣльческіе рабочіе ничего не выигрываютъ, такъ какъ, рядомъ съ капиталистомъ, собственникъ земли, для котораго не существуетъ никакой *средней нормы* ренты, выбираетъ все до дна изъ деревни, оставляя ей въ награду полуголодное и нищенское пропитаніе.

Доходы, получаемые въ формѣ ренты, такъ же безнравственны, какъ и тѣ, которые ранѣе вымогались при помощи рабства и крѣпостного права; рента вытекаетъ изъ присвоенія въ собственность одного изъ главныхъ элементовъ природы—земли, и притомъ, съ самой коварной и злонамѣренной цѣлью лишить людей, вынужденныхъ заниматься хлѣбопашествомъ, общечеловѣческихъ священныхъ правъ—свободнаго пользованія естественными даровыми силами земли, единственно ради возможности создать себѣ привилегированное положеніе, позволяющее жить въ довольствѣ, ничего не дѣлая.

Экспропріація ренты въ пользу государства, т.-е. замѣна частной собственности на землю государственной собственностью, хотя бы эта рента и была затѣмъ предназначена на покрытіе общихъ государственныхъ расходовъ, не уничтожила бы несправедливости самой ренты и не возвратила бы людямъ ихъ естественнаго права на свободное пользованіе даровыми силами природы. Рента, какъ результатъ несправедливой и варварской эксплуатаціи народнаго труда, осталась бы таковой и въ рукахъ государства и продолжала бы, какъ и при частной собственности, автоматически возрастать въ своей суммѣ, ибо ростъ ея обусловливается той разницей, какая образуется между средней нормой капиталистической прибыли и общей доходностью того или другого земельнаго участка; такъ понимается на

буржуазномъ жаргонѣ «справедливая рента» — этотъ хомутъ, обращающій земледѣльческаго рабочаго въ вѣчнаго данника землевладѣльцевъ и лишающій его возможности улучшить свою жизнь даже въ томъ случаѣ, когда производительная сила труда его возрастаетъ, благодаря разнымъ техническимъ и хозяйственнымъ факторамъ.

Государство, становясь собственникомъ и усматривая въ арендной платѣ не только доходъ, но и средство уравненія выгодъ арендаторовъ при пользованіи участками, находящимися въ различныхъ природныхъ и экономическихъ условіяхъ, будетъ поставлено въ необходимость руководствоваться принципомъ той-же «буржуазной справедливости», какъ и частные собственники. Оно не станетъ, конечно, превращать ренту въ «продовольственную аренду» и воздержится отъ безвозмезднаго присвоенія капитальныхъ затратъ арендаторовъ при заключеніи новыхъ условій, тѣмъ не менѣе рента будетъ именно тѣмъ самымъ, чѣмъ она является и теперь.

Многіе полагаютъ, что рента, сдѣлавшись собственностью государства, дастъ возможность замѣнить ею обложеніе народа нынѣ существующими несправедливыми налогами. Но налогъ въ формѣ ренты, въ дѣйствительности, былъ бы самымъ тяжелымъ и невыносимымъ. Такой налогъ, узаконивъ и освятивъ авторитетомъ государства лишеніе человѣка его естественныхъ правъ, призналъ бы въ принципѣ, что люди настолько неразумны, что не могутъ никогда устроиться такъ, чтобы болѣе или менѣе справедливо и равномѣрно пользоваться даровыми силами природы, ибо взиманіе аренды только и можетъ существовать при такомъ твердомъ убѣжденіи. Націонализація земли, въ духѣ Г. Джорджа, на началахъ чисто буржуазныхъ, встрѣтила бы сравнительно мало затрудненій, если бы ее пришлось осуществлять въ государствахъ, гдѣ власть капитала уже признана и всѣ хорошо понимаютъ, что для аренды и устройства хозяйства нужно быть хоть немного зажиточнымъ. У насъ такая націонализація, разумѣется, немыслима, и русскіе проекты націонализаціи земли имѣютъ въ виду совершенно другія основанія. Цѣль ихъ, это— передача земли земледѣльцамъ на условіяхъ болѣе или менѣе уравнительнаго распредѣленія ея между ними. Для передачи же земли въ пользованіе земледѣль-

цевъ на условіяхъ болѣе или менѣе уравнительныхъ, необходимо, чтобы всѣ могли получить приблизительно одинаковые участки по своей выгодности, принимая въ расчетъ хотя бы количество и качество земли, чтобы, напр., въ черноземныхъ губерніяхъ надѣлъ на рабочаго былъ меньше, чѣмъ въ нечерноземныхъ и пр., и пр.; такой принципъ, въ грубомъ видѣ, примѣнялся при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ настоящее время уравнительное распредѣленіе земель, въ особенности въ виду того, что самъ народъ, въ качествѣ верховнаго властителя, будетъ завѣдывать этимъ дѣломъ, надо полагать, устроится на болѣе справедливыхъ началахъ. Такимъ образомъ, если предполагаемая націонализація будетъ положена въ основаніе землеустройства, то окажется, что всѣ земледѣльцы, насколько это возможно на практикѣ, получатъ болѣе или менѣе одинаково выгодные участки. Но если такъ, то какое же, спрашивается, будетъ основаніе у государства для взиманія ренты? Рента, вѣдь, можетъ взиматься не въ томъ случаѣ, когда земельные участки, принадлежащіе разнымъ лицамъ, равноцѣнны, а когда они различны по своей выгодности, какъ теперь, при господствѣ частной собственности, или какъ бы это возможно было при націонализаціи по проекту Г. Джорджа. Иначе говоря, націонализація, въ томъ смыслѣ, какъ она понимается у насъ, находится въ полномъ противорѣчіи съ понятіемъ о рентѣ, и если бы тѣмъ не менѣе она установилась, сама жизнь превратила бы ее въ соціализацію, т.-е. земля перешла бы къ народу въ уравнительное пользованіе безъ арендной платы, по реальной невозможности найти основаніе для ея опредѣленія и взиманія. При такихъ условіяхъ и въ финансовомъ отношеніи доходъ отъ арендной платы, вѣроятно, былъ бы значительно ниже расхода по ея установленію и взиманію. Въ виду этого, если въ нашъ планъ входитъ идея о передачѣ земли въ уравнительное пользованіе трудящихся классовъ населенія, приходится не только уничтожить частную собственность на землю, но и вообще всякое право на присвоеніе ея въ собственность, хотя бы и государствомъ, и затѣмъ осуществить то, что желаетъ народъ, т.-е. признать, что земля «ничья» или иначе установить соціализацію земли.

*

Тѣмъ, которые придерживаются гипотезы Рикардо-Маркса, уничтоженіе ренты на землю представляется невозможнымъ, по крайней мѣрѣ до полнаго осуществленія соціалистическаго строя, ибо они полагаютъ, что рента на землю какъ бы присуща капитализму, будучи связана съ господствомъ на капиталистическомъ рынкѣ торговыхъ цѣнъ, неизбѣжно обусловливающихъ собою образованіе ренты путемъ повышенія, подъ вліяніемъ разныхъ особыхъ причинъ, цѣнности сельскохозяйственныхъ продуктовъ выше ихъ дѣйствительной стоимости. Изъ предыдущаго мы убѣдились, однако, что эта гипотеза совершенно ошибочна и что на самомъ дѣлѣ рента составляетъ результатъ эксплуатаціи труда земледѣльческихъ рабочихъ. Далѣе, мы выяснили, что для уничтоженія ренты не представляется никакой надобности выжидать и момента полнаго осуществленія соціалистическаго строя и что для соціализаціи земли вполнѣ достаточно возстановленіе попраннаго права народа на уравнительное пользованіе естественными даровыми силами природы, т.-е. упраздненіе права собственности на землю, во всѣхъ видахъ.

Намъ остается еще разъяснить, что неправы и тѣ, которые полагаютъ, что на практикѣ можетъ встрѣтиться затрудненіе относительно установленія *уравнительнаго* и *безплатнаго* пользованія землею крестьянами, въ виду разнообразія въ плодородіи и неравенства экономическихъ выгодъ отдѣльныхъ участковъ земли.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ точки зрѣнія гипотезы Рикардо-Маркса, уравнительное пользованіе землею представляется возможнымъ только при арендной системѣ, т.-е. при взиманіи платы съ тѣхъ земледѣльцевъ, въ пользованіе которыхъ поступятъ лучшіе участки. Но мы надѣемся, что несостоятельность названной гипотезы неподлежитъ сомнѣнію, и она не можетъ, поэтому, отклонить насъ отъ изысканія способовъ устраненія затрудненій, вызываемыхъ природными и экономическими различіями отдѣльныхъ поземельныхъ участковъ, для установленія уравнительнаго пользованія землей.

Какъ сказано выше, принципъ уравнительнаго пользованія землей находится въ полномъ противорѣчіи съ понятіемъ о рентѣ, слѣдовательно, для соціа-

лизаціи земли необходимо прежде всего уничтоженіе системы арендныхъ платъ, безъ всякаго остатка. Распредѣленіе земли въ уравнительное пользованіе земледѣльцевъ, даже въ грубой формѣ, когда принимаются въ расчетъ лишь такіе признаки, какъ количество и качество земли, почти совсѣмъ уничтожаетъ почву для существованія арендной системы. Но какъ мы знаемъ, на выгодность отдѣльныхъ земельныхъ участковъ вліяютъ и другіе факторы: разстояніе ихъ отъ рынка и пр., и пр.; при соціализаціи должны быть приняты во вниманіе, кромѣ первыхъ факторовъ, и всѣ остальные, во всей ихъ совокупности. Общимъ признакомъ, опредѣляющимъ выгодность отдѣльныхъ земельныхъ участковъ, является ихъ *доходность*, понимаемая, въ данномъ случаѣ, въ чисто *народномъ* смыслѣ, т.-е. какъ размѣръ обезпеченія средствами существованія рабочаго, при эксплуатаціи земельныхъ участковъ его собственнымъ трудомъ. Положимъ, что окажется возможнымъ за норму такого дохода принять годовой заработокъ въ 200 или 300 рублей; тогда именно эта норма и послужитъ основаніемъ для образованія участковъ для отдѣльныхъ общинъ, по расчету наличныхъ рабочихъ.

Опредѣленіе доходности земли отдѣльныхъ участковъ совершенно недоступно для бюрократическихъ канцелярій, но вовсе не трудно, когда оно перейдетъ въ руки самого народа, заинтересованнаго въ правильной постановкѣ этого дѣла. Десятки милліоновъ опытныхъ глазъ будутъ слѣдить за его добросовѣстнымъ и точнымъ исполненіемъ.

При наступающемъ соціальномъ переворотѣ, рядомъ съ соціализаціей земли, предстоитъ коренное измѣненіе общей финансово-экономической политики государства, въ томъ числѣ отмѣна всѣхъ несправедливыхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ общимъ для всѣхъ классовъ населенія *прогрессивно-подоходнымъ обложеніемъ* [1]). Для осуществленія

[1]) Размѣръ прогрессивно-подоходнаго налога зависитъ не только отъ доходовъ, получаемыхъ тѣми или другими лицами, но и отъ суммы государственныхъ расходовъ; въ виду этого, назначеніе налога съ земледѣльцевъ въ одномъ опредѣленномъ размѣрѣ, въ соотвѣтствіи съ доходностью земли, переданной въ ихъ пользованіе, было-бы абсурдомъ. Кромѣ того, если и всѣ крестьяне получатъ одинаково до-

этого плана, между прочимъ, потребуется, какъ и для соціализаціи земли, собраніе свѣдѣній о доходахъ земледѣльческаго населенія [1]).

Однимъ словомъ, опредѣленіе доходности земли явится, при новомъ соціальномъ строѣ, неизбѣжнымъ и необходимымъ актомъ, безъ котораго не можетъ быть и рѣчи о возможности проведенія въ жизнь справедливыхъ началъ; но разъ оно необходимо, то и должно быть сдѣлано, какихъ бы трудовъ это ни стоило.

Соціализація земли представляется очень важной также и для промышленнаго пролетаріата. Она избавитъ его отъ наплыва изъ деревни арміи безработныхъ крестьянъ, конкуренція которыхъ сильно дѣйствуетъ на пониженіе заработной платы; кромѣ того, у рабочихъ окажется новое сильное средство для борьбы съ капиталомъ, это—уходъ въ деревни, гдѣ имъ, на одинаковыхъ правахъ съ крестьянами, будутъ отводиться въ безплатное пользованіе участки земли для устройства самостоятельнаго хозяйства.

Итакъ, мы говоримъ, опираясь на идеалъ русскаго народа, что *собственность на землю, во всѣхъ ея видахъ, должна быть уничтожена, вся земля передана въ безвозмездное пользованіе земледѣльцевъ и распредѣлена между ними уравнительно, на основаніи доходности земли, какъ она понимается трудящимися классами населенія;* иначе говоря, мы требуемъ *соціализаціи* земли.

28-го ноября
1905 г.

ходные участки, то это еще не значитъ, что и *реальные* доходы ихъ будутъ одинаковыми. они, вѣдь, будутъ находиться въ зависимости и отъ многихъ другихъ условій: урожая, системы хозяйства, трудолюбія, несчастныхъ случаевъ и пр., и пр.

[1]) См. № 18 „Экономической Газеты“ за 1904 г. (Первый годъ изданія), статью объ общемъ подоходномъ налогѣ, съ указаніемъ на практическое осуществленіе этой идеи въ торыхъ селахъ Бессарабской губерніи.